

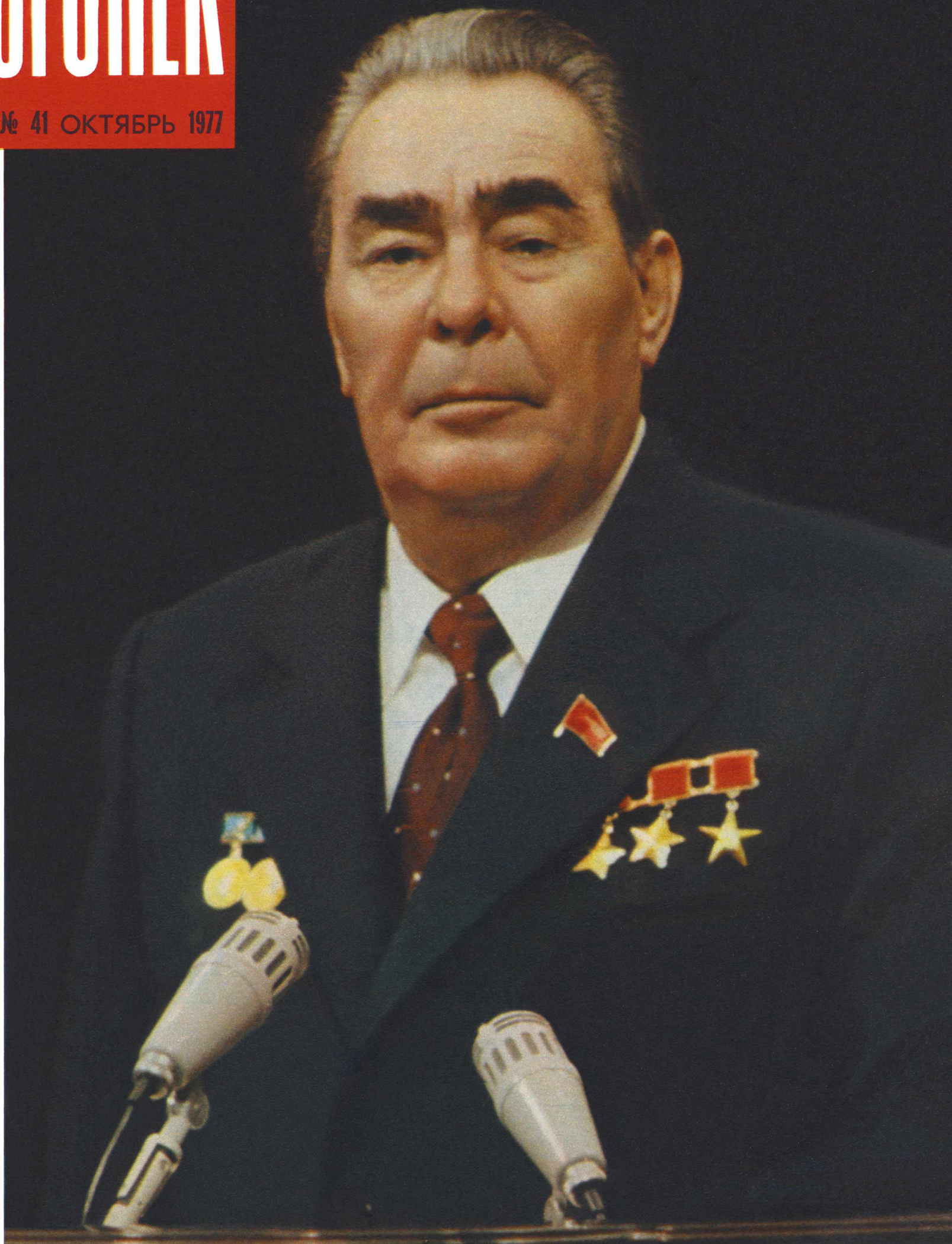

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 41 ОКТЯБРЬ 1977

**МОСКВА. 4 ОКТЯБРЯ.
БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ...**

ИНФОРМАЦИОН О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТР КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПА

3 октября 1977 г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Конституционной Комиссии тов. Брежнева Л. И.

«О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения».

Пленум ЦК принял по докладу тов. Брежнева Л. И. Постановление, которое публикуется в печати.

О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИ И ИТОГАХ ЕГО ВСЕНА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КП

1. Целиком и полностью одобрить доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Конституционной Комиссии тов. Брежнева Л. И. «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения».

2. В основном одобрить представленный Конституционной Комиссией проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Соци-

алистических Республик с дополнениями, уточнениями и поправками, внесенными в него по итогам всенародного обсуждения. Внести проект Конституции на рассмотрение внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва.

Поручить Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Конституционной Комиссии тов. Брежневу Л. И. выступить с докладом о проекте Конституции и итогах его всенародного

Н О Е С О О Б Щ Е Н И Е А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А Р Т И И С О В Е Т С К О Г О С О Ю З А

Пленум ЦК избрал секретаря ЦК КПСС тов. Черненко К. У. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум ЦК избрал члена ЦК КПСС тов. Кузнецова В. В. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум ЦК перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тт. Демиденко В. П., Кириченко Н. К., Плешакова П. С., Фоминых А. М.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

И И (ОСНОВНОГО ЗАКОНА) А Л И С Т И Ч Е С К И Х Р Е С П У Б Л И К Р О Д Н О Г О О Б С У Ж Д Е Н И Я

С С, П Р И Н Я Т О Е 3 О К Т Я Б Р Я 1977 Г О Д А

обсуждения на сессии Верховного Совета СССР.

3. Партийным и советским органам, министерствам и ведомствам, профсоюзным, комсомольским и другим общественным организациям внимательно рассмотреть все поступившие в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР предложения и замечания трудящихся по улучшению работы на конкретных участках государственного, хозяйственного и культурного строительства и принять необходимые меры к их практической реализации.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 41 (2622)

8 ОКТЯБРЯ 1977

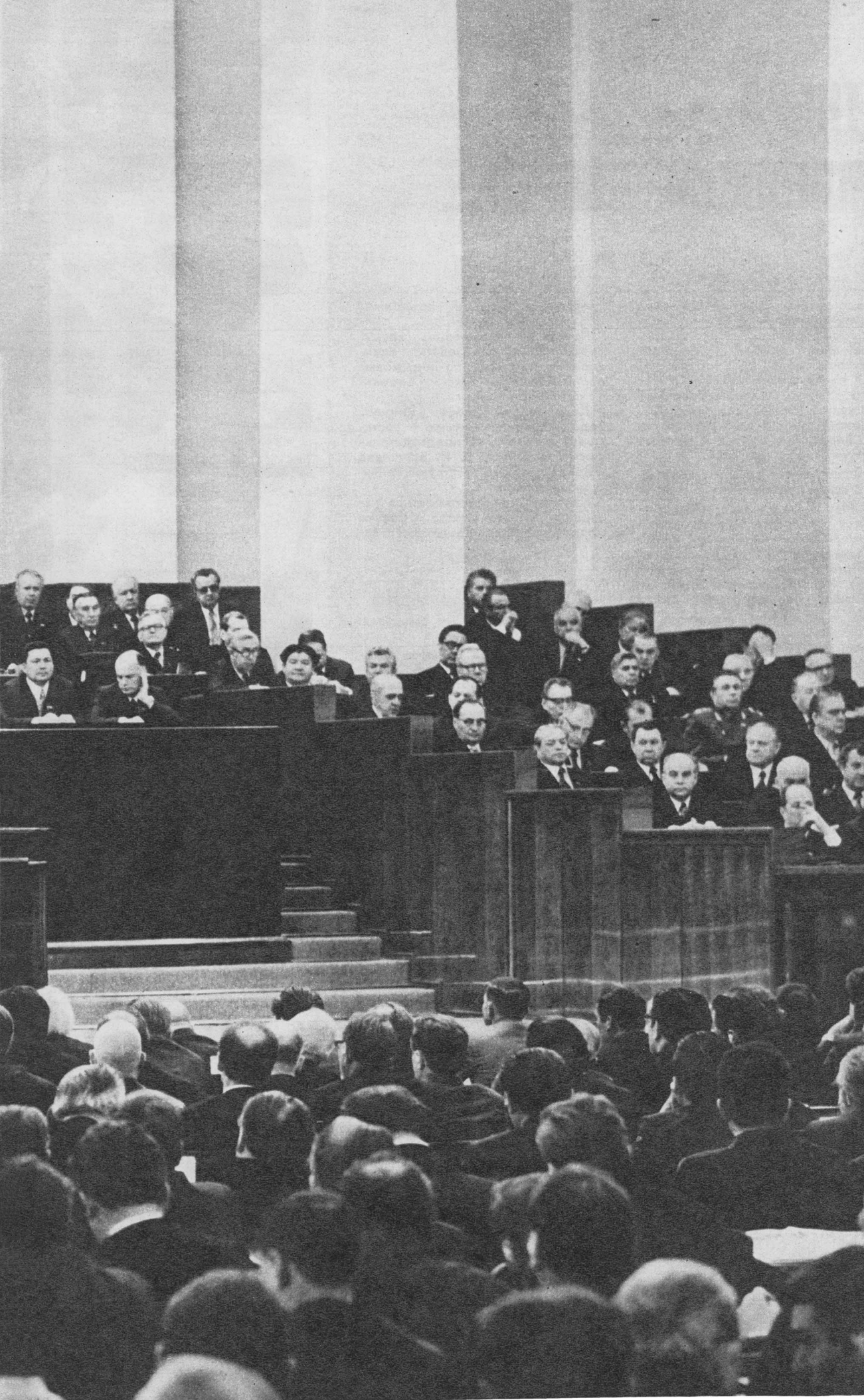
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

МОСКВА. 4 ОКТЯБРЯ. БОЛЬШ

МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИОНЫ ТРУЖЕНИКОВ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ПОДДЕРЖАЛИ НОВЫЙ ОСНОВНОЙ ЗАКОН И СЛОВОМ, И ДЕЛОМ. ОНИ СВЕРЯЛИ КАЖДУЮ СТРОКУ ПРОЕКТА С СОБСТВЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТОЙ, С ДЕЛАМИ СВОИХ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ. ОНИ БРАЛИ НА СЕБЯ ПОВЫШЕННЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВНОСИЛИ КОРРЕКТИВЫ В ПЛАНЫ, ИЗЫСКИВАЛИ НОВЫЕ РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВА РАБОТЫ, ВСТРЕТИЛИ СВОЮ НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ БОЛЬШИМИ ТРУДОВЫМИ ПОДВИГАМИ. СЛОВОМ, НАШ НАРОД ВНОВЬ ПРОЯВИЛ СЕБЯ КАК ПОЛНОВЛАСТНЫЙ ХОЗЯИН СВОЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ. ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОИЧЕСКОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ — СТРОИТЕЛЮ КОММУНИЗМА!

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из доклада «О проекте Конституции [Основного Закона] Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения».

Открытие внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. На снимке: совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ...

МОСКВА. 4 ОКТЯБРЯ. БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ...

4 октября 1977 года в Москве начала работу внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва.

10 часов утра. Большой Кремлевский дворец. Бурными, продолжительными аплодисментами встретили присутствующие товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, К. У. Черненко, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Я. П. Рябова, К. В. Русакова.

В зале — видные деятели международного коммунистического и рабочего движения, общественные деятели, главы дипломатических представительств, аккредитованные в Москве, советские и иностранные журналисты.

Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР открыл

Председатель Совета Национальностей депутат В. П. Рубен. Предлагается включить в повестку внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР вопрос:

О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

Вопрос вносится на рассмотрение Верховного Совета СССР Конституционной Комиссией.

Повестка дня сессии утверждается единогласно.

Слово для доклада предоставляется Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Конституционной Комиссии товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Депутаты и гости приветствуют товарища Л. И. Брежнева бурной, долго не смолкающей овацией. Все встают.

Доклад «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения» был выслушан с огромным вниманием и неоднократно

прерывался бурными, продолжительными аплодисментами.

Председательствующий вносит предложение образовать Редакционную комиссию по подготовке окончательного текста проекта Конституции СССР.

Депутаты единогласно избирают Редакционную комиссию в составе 163 человек под председательством товарища Л. И. Брежнева и принимают соответствующее постановление.

На этом первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей объявляется закрытым.

В тот же день в 15 часов начались отдельные заседания Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Депутаты приступили к обсуждению вопроса о проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

В зале заседаний.

ПОДДЕРЖИВАЕМ И ОДОБРЯЕМ!

Почти четыре месяца продолжалось все-народное обсуждение проекта Основного Закона СССР. Оно стало подлинной школой активного участия трудящихся в управлении делами государства и общества. Приняли активное участие в этой кампании и мы, труженики московского Автомобиль-

ного завода имени Ленинского комсомола. Свыше пятнадцати тысяч автозаводцев выступили на собраниях и митингах, состоявшихся в цехах и отделах. А сколько внесено предложений!

И вот открыта историческая, внеочередная сессия Верховного Совета СССР. С каким вниманием слушали мы доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Конституционной Комиссии товарища Л. И. Брежнева. Говоря об активности советского народа в обсуждении проекта Основного Закона, Леонид Ильич Брежнев сказал: «**именно весь советский народ стал подлинным творцом Основного Закона своего государства**».

Меня как рабочего человека не могли не взволновать слова товарища Л. И. Брежнева о роли труда при социализме. Да, Советский Союз — государство трудящихся! Только на нашем заводе работает свыше 26 тысяч человек. Каждые полторы минуты за ворота выходит новенький автомобиль. Ко дню 60-летия Великого Октября мы обязались выпустить 800 сверхплановых автомобилей. Это обязательство не только выполнено, но уже и перевыполнено.

Так мы отметили дату, которая войдет в историю советского народа, — день открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР, рассмотревшей проект Конституции СССР.

В. КАРПОВ,
фрезеровщик московского
Автомобильного завода
имени Ленинского комсомола,
Герой Социалистического Труда

ДЛЯ НАРОДНОГО СЧАСТЬЯ

Пришел день, которого мы так долго ждали, — день открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР, собравшейся, чтобы утвердить новую Советскую Конституцию. Для нас, трудящихся западных районов Белоруссии, это событие особенно знаменательно, — ведь мы впервые обсуждали проект Конституции своей страны, обсуждали подробно, заинтересованно. Впервые мы уполномочили своих депутатов в высшем органе власти проголосовать за ее принятие, потому что, как очень точно сказал в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев, это тот Основной Закон, который «правильно отражает наши завоевания, наши чаяния и надежды, правильно определяет наши права и обязанности». Перед нами открываются новые перспективы коммунистического строительства. Перспективы эти ощущаем и мы в сегодняшней деревне. Наш колхоз из года в год берет высокие рубежи, за которыми — растущий уровень механизации труда, совершенствование культуры земледелия. Недавно Белоруссия рапортовала о выполнении плана продажи зерна государству. Есть в том рапорте и наша строка. Колхоз получил в нынешнем году по 40,2 центнера зерновых с гектара. По 220 центнеров с гектара накопили картофеля, а мое звено — по 250. Трудом своим мы голосуем за новую Конституцию, за Конституцию для счастья народа.

Р. ВАНЬКОВИЧ,
звеньевой механизированного звена
колхоза «Красная звезда»,
Столбцовского района, Минской области,
Герой Социалистического Труда,
делегат XXV съезда КПСС

4 октября 1977 года. Орден
Ленина типография «Крас-
ный пролетарий». Митинг,
посвященный открытию вне-
очередной сессии Верховно-
го Совета СССР.

Фото Л. Шерстенникова

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

30 сентября в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. На нем было рассмотрено сообщение Председателя Конституционной Комиссии, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева об итогах всенародного обсуждения проекта Конституции СССР и предложениях, которые поступили в ходе этого обсуждения.

Товарищ Л. И. Брежнев дал характеристику общих итогов всенародного обсуждения, а также тех уточнений и дополнений, которые Конституционная Комиссия рекомендует внести в проект Основного Закона СССР. Всенародное обсуждение проекта, подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, учет замечаний трудящихся позволили улучшить проект Конституции, отточить многие его формулировки, обогатить его содержание. Конституционная Комиссия считает, что уточненный и дополненный проект может быть представлен на рассмотрение Верховного Совета СССР.

На заседании выступили заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР П. Я. Страутманис, члены Президиума Н. А. Новоселова и В. И. Конотоп.

Президиум Верховного Совета СССР с удовлетворением отметил высокую активность граждан Советского Союза, проявленную во время обсуждения проекта Основного Закона страны, деловой и конструктивный характер этого обсуждения. Он указал в своем постановлении, что Конституционная Комиссия проделала большую работу по обобщению и рассмотрению всех замечаний, поступивших от коллективов трудящихся, общественных организаций и отдельных граждан.

Президиум Верховного Совета СССР одобрил представленный Конституционной Комиссией проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик, уточненный и дополненный с учетом предложений, поступивших в ходе его всенародного обсуждения. Проект вносится на рассмотрение внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва.

Одновременно на заседании Президиума решены другие вопросы, связанные с проведением предстоящей сессии Верховного Совета СССР и проектами документов, которые вносятся на ее рассмотрение.

(ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ

Руководители Коммунистической партии и Советского государства при вручении награды товарищу В. В. Щербицкому.

С ДРУЖЕСКИМ

С 27 по 29 сентября в Советском Союзе с дружеским визитом находился председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), президент Народной Республики Ангола Антонио Агостиньо Нето.

28 сентября состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и председателем МПЛА, президентом НРА А. Нето, членом Политбюро ЦК МПЛА, членом

Национального совета НРА, начальником управления информации и безопасности НРА Родригеш Жоао Лопеш, членом Политбюро ЦК МПЛА, членом Национального совета НРА, министром обороны НРА Энрике Телиш Каррейра.

В ходе переговоров стороны дали высокую оценку развитию дружественных советско-ангольских отношений и подтвердили стремление обеих стран к всемерному их укреплению в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и НРА. Были обсуждены узловые проблемы современной международной обстановки. Особое внимание уделено положению в Африке.

В. В. ЩЕРБИЦКОМУ

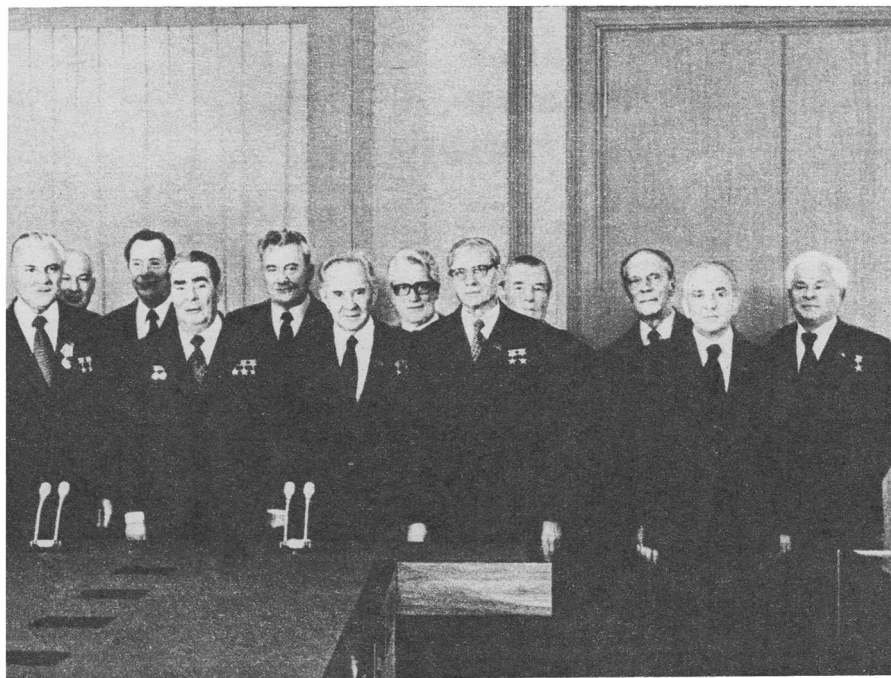

Фото В. Мусэльяна (ТАСС)

29 сентября в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкому были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Этой высокой награды товарищ В. В. Щербицкий удостоен за большую организаторскую и политическую работу по мобилизации коммунистов и всех трудящихся республики на успешное осуществление решений XXV съезда партии по развитию сельского хозяйства, обеспечению высокого валового сбора зерна в 1977 году, что дало возможность продать государству хлеба значительно больше установленного плана и принятых социалистических обязательств.

Награду вручил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

В зале при вручении награды были товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, а также заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Ватченко, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

При вручении награды выступил товарищ Л. И. Брежнев.

В своем выступлении товарищ Л. И. Брежнев, в частности, сказал: «Мне доставляет большое удовлетворение вручить Вам сегодня орден Ленина и вторую золотую звезду Героя Социалистического Труда. Этой высокой наградой отмечен Ваш большой вклад в обеспечение замечательных итогов коллективных усилий тружеников социалистических полей и всех трудящихся Советской Украины, почти трехмиллионного отряда украинских коммунистов.

Трудящиеся Украины сделали хороший подарок Родине к 60-летию Великого Октября. Выращен и убран богатый урожай зерновых и других культур. Продано государству рекордное для республики количество хлеба — более миллиарда пудов».

С ответным словом выступил товарищ В. В. Щербицкий.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства тепло и сердечно поздравили товарища В. В. Щербицкого с высокой наградой Родины, пожелали ему крепкого здоровья, новых больших успехов в плодотворной деятельности на благо Коммунистической партии, советского народа.

ВИЗИТОМ

ке. Обе стороны решительно осудили вмешательство империалистических и других реакционных сил во внутренние дела африканских государств и их попытки создавать новые очаги напряженности на африканском континенте.

Была подтверждена неизменность курса Советского Союза и Народной Республики Ангола, направленного на поддержку борьбы народов Зимбабве и Намибии за свои законные права на независимость, против расизма и апартеида на юге Африки.

Во время переговоров.

Фото В. Мусэльяна (ТАСС)

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Р. БАРРОМ

28 сентября в Москву прибыл Премьер-Министр Франции, министр экономики и финансов Раймон Барр. Он принял участие в качестве сопредседателя в XII сессии постоянно действующей смешанной советско-французской комиссии.

29 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Премьер-Министра, министра экономики и финансов Франции Раймона Барра.

В ходе беседы были обсуждены ключевые вопросы советско-французских отношений, а также

актуальные проблемы развития международной обстановки. Вновь подтвердилось совпадение взглядов Советского Союза и Франции на перспективы укрепления их сотрудничества в духе документов, подписанных в итоге советско-французских переговоров в Рамбуйе в июне с. г. При этом обе стороны выразили удовлетворение работой проходившей в Москве сессии постоянно действующей смешанной советско-французской комиссии по решению задач дальнейшего развития взаимовыгодных экономических и научно-технических связей между двумя странами.

Беседа прошла в конструктивной и дружественной обстановке.

На беседе присутствовали: с советской стороны — заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, посол СССР во Франции С. В. Червоненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, с французской стороны — посол Франции в СССР Брюно де Лесс и советник премьер-министра Жан-Клод Пэй.

На снимке:
Во время беседы.

Фото А. Пахомова

Во время церемонии вручения награды.

Фото В. Великжанина (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ОРТЕНСИИ БУССИ ДЕ АЛЬЕНДЕ

30 сентября в Москве, в Свердловском зале Кремля, состоялось торжественное собрание представителей советской общенности, посвященное вручению международной Ленинской премии видной общественной деятельнице Чили, почетному вице-президенту Международной демократической федерации женщин Ортенсии Бусси де Альенде. Этой высокой награды она удостоена за выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира.

Под аплодисменты присутствующих председатель Комитета по международным Ленинским премиям Н. Н. Блохин вручил О. Бусси де Альенде диплом и золотую

медаль лауреата международной Ленинской премии.

Ленинская премия, которая вручается Ортенсии Бусси де Альенде, сказал член Политкомиссии ЦК Компартии Чили Хорхе Монтес, — это огромный стимул в битве за то, что составляет смысл ее жизни: за свободу и демократию, за мир и дружбу между народами.

Ортенсия Бусси де Альенде выразила искреннюю благодарность Коммунистической партии Советского Союза за бескорыстную солидарность с делом антифашистской борьбы чилийского народа, за помощь, оказываемую КПСС и советским народом.

МЕДАЛЬ «ЗА ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ РСФСР»

Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР». Утверждено положение о медали и ее описание.

Ч. ЧИМИД

СТРАНЫ СОВЕТОВ КОНСТИТУЦИЯ...

В нем, в Основном Законе,—
Гордость Страны Советов,
Смелых ее свершений,
Славных ее побед.
В нем, в Основном Законе,—
Отзвук первых декретов,
Что принесли народам
Светлого дня рассвет.

В нем, в Основном Законе,—
Сила страны Советской,
Жемчуг чистых улыбок,
Вера в свою мечту.
В нем, в Основном Законе,—
Смех ликующий детский,
Спутников росчерк быстрых,
Мчащихся в высоту.

В том Основном Законе —
Счастье страны могучей,
Вижу за словом каждым
Алый победный стяг.
В том Основном Законе —
Ритм боевой, кипучий,
В том Основном Законе —
Мирных работ размах.

Вижу за каждым словом
Гордых героев БАМа,
Вижу — сминая полюс,
«Арктика» режет лед.
Вижу за каждым словом —
Братский народ советский
Поступью богатырской
К цели своей идет!

Перевел с монгольского
Владимир МИХАНОВСКИЙ.

Антанас ДРИЛИНГА

ГОРДОСТЬ

Я моря сын, оно во мне, со мной.
И тем гордиться вечно не устану,
Что корабли страны моей родной
Плывут по всем морям и океанам.

Чем, родина, еще гордиться я могу?
Содружеством людей твоим прекрасным.
Когда сойдемся в дружеском кругу,
И мой язык звучит светло и ясно.

За каждый шаг наш и за каждый миг
Отцы и деды заплатили кровью.
И нам теперь завидует весь мир,
К нам тянется с надеждой и любовью.

Я у тебя любить людей учусь.
В любви тебе навечно присягаю.
Я хлеб ращу, я строю и горжусь,
Что эту жизнь со всеми созидаю.

Все труженики городов и сел
В тебе находят радость и участие.
Спасибо, родина, тебе за все:
За взлет мечты и за людское счастье.

Повсюду шаг твой твердый узнаю
На стройках и в полях, зерном согретых.
Я славлю Конституцию твою:
В ней наша жизнь
И наши все победы.

Перевел с литовского
Евгений АНТОШКИН.

Г. Горелов. 1880—1966. ПОРТРЕТ А. С. СУББОТИНА, СТАЛЕВАРА ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ». 1948—1949.

Государственная Третьяковская галерея.
Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

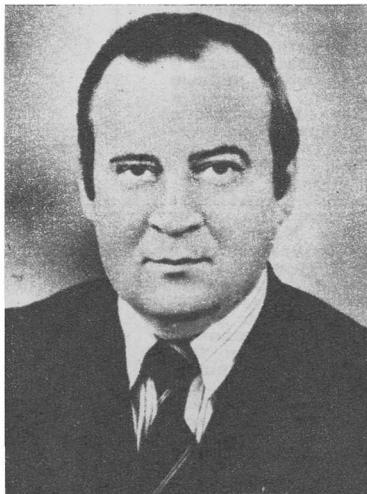
Н. Веселова. 1922—1960.
Из серии «Люди колхоза
«Гвардеец» Чувашской
АССР». 1957—1959. ПОР-
ТРЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОЛХОЗА М. Г. ДОЛГО-
ВА.

Государственный Русский
музей.
Всесоюзная художественная
выставка «Советский портрет».

БЕЗ ОТСТАЮЩИХ

М. П. БОЙКО,
генеральный директор
производственного
объединения «Красный Аксай»,
отвечает на вопросы
корреспондента «Огонька»
Михаила Андриасова

— Расскажите, пожалуйста, Михаил Петрович, хотя бы коротко, историю завода «Красный Аксай».

— Заводу «Красный Аксай» без малого девяносто лет. Когда-то это было небольшое кустарное предприятие акционерного общества «Аксай», изготавливавшее примитивные сельскохозяйственные орудия. Закономерно, что один из первых рабочих коллективов казачьего края стал революционной школой на Дону. Рабочие «Аксая» участвовали в 1902 году в знаменитой ростовской стачке, сражались на баррикадах Темерника¹ в 1905 году, на фронтах гражданской войны. Так к слову «Аксай» прибавилось слово «Красный». Тысячи красноаксайцев отстаивали честь и независимость нашей Родины в боях против немецко-фашистских захватчиков.

В заводском коллективе много ветеранов, героев первых пятилеток, тысячи ударников коммунистического труда.

— Сорок лет назад мне довелось писать очерк о кузнеце Алексее Дмитриевиче Поздоровкине. Он пришел на «Аксай» босоногим пятнадцатилетним мальчишкой еще в 1895 году. В тридцатые годы он стал прославленным ударником. Помню, на заводе работали три его сына...

— Три сына кузнеца Алексея Дмитриевича Поздоровкина работали на «Красном Аксее» несколько десятилетий. Иван был токарем, Сергей — слесарем, Петр — счетным работником, вырос до главного бухгалтера «Красного Аксая». Семь лет назад он ушел на пенсию. С давних пор на заводе трудились и трудятся династии Литиновых, Фоменко, Шевченко, Прокопенко, Ключевых, Шерстневых, Зенкиных, Калашниковых, Васютиных, Борисовых, Колобаевых, Бонопартых...

— Как восприняли красноаксайцы письмо Леонида Ильича Брежнева, горячо поддержавшего патристическое движение ростовчан «Работать без отстающих»?

— Надо ли говорить о чувстве радости и гордости, охватившем каждого из нас? Наш коллектив на приветствие Леонида Ильича Брежнева ответил ударным трудом, новыми успехами в борьбе за выполнение решений XXV съезда Коммунистической партии. На заводе — обстановка большого трудового подъема. Каждый старается достойно встретить 60-летие Октября ударным трудом,

достойно отметить год утверждения новой Конституции СССР.

Письмо Леонида Ильича Брежнева обязывает нас работать без отстающих, добиваться выполнения плана как по реализации продукции, так и по другим технико-экономическим показателям. Мы должны работать без отстающих на любом участке, в любом деле, в любом технологическом звене, в любом звене, соединяющем смежников... В условиях непрерывно расширяющихся производственных связей строгое соблюдение плановой дисциплины приобретает исключительное значение. Важно, чтобы каждый производственный коллектив выполнял плановые задания и заказы в срок, никогда не подводил своих смежников, потребителей и давал бы продукцию отличного качества.

В нашей стране руководство экономикой осуществляется с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость. Все это во многом определяет успех движения тружеников Дона — работать без отстающих.

— Скажите, Михаил Петрович, что практически принесло коллективу «Красного Аксая» это движение?

— Анализируя опыт минувших месяцев, мы убедились в том, что на Дону оно накрепко связывает интересы всех и каждого в отдельности. Оно как бы подкрепляет широко известное рабочее правило: «Все за одного, один за всех».

Раньше завод нередко лихорадило, случалась штурмовщина, нарушался производственный ритм. Все это отрицательно сказывалось на выполнении планов. Призыв «Работать без отстающих»

заставил многих добиваться еще большего укрепления плановой, трудовой и производственной дисциплины. Этот призыв вовлек в творческое социалистическое соревнование буквально всех рабочих и специалистов. Резко повысилась ответственность за личный встречный план, за поиск дополнительных, скрытых резервов. Сейчас по личным встречным планам у нас работают все цехи основного производства, примерно три тысячи рабочих.

Инициаторами выступили передовики, лучшие бригады и участки. Формовщик цеха серого чугуна, делегат XXV съезда партии Иван Андреевич Ермаков обязался повысить производительность труда по сравнению с достигнутой в прошлом году на четыре процента. Иван Андреевич решил освоить смежную профессию выбивщика литья. Вместе с напарником Борисом Алексеевичем Каймановичем он перешел работать на отстающий участок цеха. Была поставлена цель: своим примером, деловой помощью вывести коллектив в передовые, наладить четкую работу еще одного заводского звена.

Вслед за инициаторами индивидуальные социалистические обязательства приняли более двух тысяч рабочих. Так, кузнец кузнечно-прессового цеха Вячеслав Николаевич Молотов в прошлом году выполнил два годовых плана. Сейчас он трудится в счет июня 1978 года. Таких людей у нас немало. С опережением графика на пять месяцев и более работают тридцать человек, на четыре месяца — сто тридцать рабочих и на два — свыше четырехсот.

В авангарде нового движения молодежь. Вот комсомольско-молодежная бригада из механосборочного цеха № 22, которой руководит мастер Николай Иванович Киричек. В своих обязательствах на 1977 год этот коллектив записал: план двух лет пятилетки выполнить к 29 октября — 59-й годовщине Ленинского комсомола. Юноши и девушки решили обеспечить за счет творческих планов, получивших название ТЭК — «Техника, Экономика, Качество, Коммунистическое воспитание», — тысячи рублей экономии, повысить на четыре процента производительность труда, а девяносто восемь процентов продукции сдавать с первого предъявления.

Результаты отрядны. По итогам соревнования среди комсомольско-молодежных бригад предприятий Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР наш комсомольско-молодежный коллектив был награжден переходящим Красным знаменем «Герои пятилеток, ветераны труда — лучшее комсомольско-молодежное коллективу». Бригада занесена в Летопись комсомольской славы.

Огромную помощь движению

оказывают наставники. Своим примером они увлекают подопечных. Наставник не только обеспечивает специальную подготовку молодого рабочего, но и воспитывает в нем сознательное стремление быть в труде добросовестным, не ронять своей чести перед родным рабочим коллективом, успешно выполнять личный план и добиваться общего производственного подъема.

Трудно переоценить значение научной организации труда. На нашем заводе состоялась научно-техническая конференция по качеству продукции. На конференцию мы пригласили ведущих специалистов нашего производственного объединения «Красный Аксай», научных работников, сельских механизаторов из различных областей. Среди них был известный всей стране дважды Герой Социалистического Труда, бригадир колхоза имени XX съезда КПСС, Кировоградской области Украины, член Президиума Верховного Совета СССР, делегат XXIV и XXV съездов партии Александр Васильевич Гиталов. Характерно его высказывание о культиваторах завода «Красный Аксай». «Наше хозяйство, — сказал Александр Васильевич, — находится в южной части Кировоградской области. Выращиваем овес, кукурузу. У нас много сельскохозяйственных машин. Среди них — и культиваторы «Красного Аксая». Скажу сразу: отличные машины! Но их у нас не хватает. Так что к вам, красноаксайцы, просьба хлеборобов такая: давайте побольше сельхозмашин и запчастей к ним. Ведь мы делаем одно, огромной важности дело. Нашей общей заботой является выращивание высоких урожаев — главного богатства Родины. — Александр Васильевич высказал пожелание. — В нашей области, — сказал он, — почвы тяжелые. Хотелось бы, чтобы прочность ваших культиваторов, их износостойкость соответствовали почвам».

— Чем отмечает коллектив завод года юбилейный?

— Первый заводской трудовой подарок в юбилейном году — успешное выполнение почетного ответственного задания по досрочному изготовлению и поставке труженикам села сельскохозяйственной техники и запасных частей еще к началу весенне-полевых работ нынешнего года. Сельское хозяйство страны досрочно получило 12 760 культиваторов «КПС-4», половина которых — с государственными Знаком качества, и 3062 культиватора «УСМК-5».

Мы приложим все усилия для успешного завершения плана всего 1977 года и пятилетки в целом, дадим Родине сверх плана четыреста культиваторов.

У движения «Работать без отстающих» — великолепные перспективы. За ним будущее. Оно органически отвечает требованиям современности.

¹ Темерник — рабочий район до-революционного Ростова-на-Дону.

ПОБЕГУТ ПО РЕЛЬСАМ ПОЕЗДА

Еще в 1972 году наш 340 монтажный поезд был переброшен из Ульяновской области в четырежды орденоносную Советскую Башкирию для строительства новой железной дороги Чишмы — Белорецк. Поначалу у нас не было жилья, не хватало механизмов и приходилось укладывать рельсы вручную. Сейчас все это позади: на бывшем пустыре вырос городок строителей на две тысячи жителей с продовольственным и промтоварным магазином, столовой, клубом, детсадом, яслями и, конечно, киоском «Союзпечати», где можно купить свежую газету, журнал. Все это построено руками наших строителей. За хорошее содержание поселка коллектив СМП-340 награжден Почетной грамотой Министерства транспортного строительства СССР. Но это, так сказать, бытовая сторона нашей жизни, а рассказать хочется и о том, как идут дела на производственном участке.

Бригадир А. Китаев и
монтер пути А. Зуев.
Фото Б. Павлова

«КВАЛЛАП»

В одном из журналов я увидел фотографию. На ней были запечатлены участники парада Красной Армии в Харькове в 1920 году. Красноармейцы, идущие стройными рядами. Все, как и полагается на параде, но на ногах у бойцов лапти. Вот эта фотография и напомнила мне одну историю из моей далекой комсомольской юности...

...1921 год. В комнате волостного комитета комсомола собрались комсомольцы села Вознесенского, ныне Горьковской области. Наш секретарь Алеша Посадов беседовал с незнакомым красноармейцем, а закончив с ним разговор, обратился к нам:

— Начнем, братва! На повестке у нас важный вопрос: «Наша помощь Красной Армии». Вот здесь прибыл к нам товарищ красноармеец, дадим ему слово.

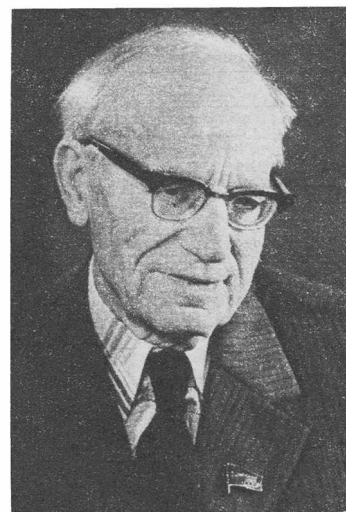
К столу подошел молодой боец. Рука у него была на перевязи, в гипсе. Сняв буденовку, он посмотрел на нас и так спокойно, не торопясь, начал свою речь.

Все внимательно слушали его и с завистью смотрели на расстегнутую шинель и выглядывавшую из-под нее ладно сшитую гимнастерку. На ногах у бойца были новые лапти, перевитые сыромятными ремешками. Боец говорил нам о героических делах Красной Армии, о том, что война скоро закончится нашей победой. Но вот беда — не хватает бойцам теплой одежды и обуви...

— Поняли теперь, какие у нас дела на фронте? — спросил Алеша Посадов. — Теперь я от себя скажу. В армию нас не берут. Говорят, малы. Но помощь наша нужна. Есть указание райкома комсомола издать для армии обувь. Мы должны запасти пятьсот пар лаптей да и теплых вещей собрать. Дело, братва, особой важности, —

Нашу ударную Всесоюзную комсомольско-молодежную стройку называют Башкирским БАМом. Чтобы построить новую дорогу Чишмы — Белорецк, строителям пришлось раздвинуть Уральские горы, пройти через болота Карагая и Ассы. Уже сейчас ходят рабочие поезда до Белорецка. Стройка вступила в стадию завершающего строительства: отсыпаны миллионы кубометров грунта, вынуты десятки тысяч кубометров скальных пород, построен тоннель, возведено несколько железнодорожных мостов через коварную и своенравную горную реку Инзер и реку Белую. За двадцать трудовых лет мне приходилось строить железные дороги по всей Сибири, на Кавказе, и скажу прямо, нигде не было так трудно, как в Чишмы — Белорецке: 40—45-градусные морозы зимой, 30-градусная жара летом, комары, клещи, которые здесь во множестве. Но ничто не сломило волю людей. Сейчас, соревнуясь за достойную встречу 60-летия Советской власти, многотысячный коллектив принял на себя социалистические обязательства к юбилею пустить по новой дороге первые пассажирские поезда. И нет сомнения в том, что строители Чишмы — Белорецка с честью сдержат слово. С вводом в эксплуатацию этой дороги завершится строительство Южсиба — крупнейшей магистрали, которая соединит районы Сибири с центром страны, а для Башкирской АССР и Южного Урала — это сокращение на сотни километров пути к металлу Магнитки и Белорецка, медной руде Сибая, лесу горных районов верховья Белой. И в этом большая заслуга приехавших по комсомольским путевкам Фарида Ахметгареева, Любы Останиной, Баязита Ульмотаева. Отлично работала бригада монтеров пути, руководимая коммунистом кавалером ордена «Знак Почета» Е. М. Александровым, выполнявшая план двух лет десятой пятилетки еще в апреле месяце. На 140 и более процентов выполняет свое ежемесячное задание бригада А. Китаева. Недалек уже тот день, когда мы в числе первых пассажиров поедем из Чишмы до Белорецка.

А. ЗУЕВ,
монтер пути СМП-340,
рабкор газеты «Советская
Башкирия»

ЖДАНОВИЧИ

Седьмой
Самарской дивизии
посвящаю.

Ждановичи.
Приют мой летний.
Опушка леса. Тихий дом.
Березки семикрылой ветви
Всегда струятся за окном.

И море Минское меж сосен
Блестит,
Возникшее при мне.
А я хожу по ранним росам
И размышляю в тишине.

Знакомый бор,
Как строй суровый,
В защитном колере своем.
Он одарил меня подковой
И вновь напомнил о былом.

Находку эту поднимаю,
И все меняется окрест.
Моя Самарская Седьмая —
Живая слава этих мест!

Ты — лава конницы червонной,
Раскат грозы для черных стай.
Тобой командовал Буденный,
С тобой сроднился Гая Гай.

Привычна к рейдам и прорывам,
Ты в бой несла свои клинки,
И Жуков был твоим комдивом,
И Тимошенко вел полки.

Ты в дни гражданской била крепко
Всех недругов моей земли.
...Потом, в тридцатых,
Я и Глебка
Служить в ряды твои пришли.

Конечно, постарели все мы,
Но не иссяк былой запал.
Здесь начал я свою поэму,
Но до конца не дописал.

Когда вернулся я в шинели
С Отечественной
В город свой,
Нелегким было новоселье
Под этой сенью боровой.

Комдивы и однополчане,
Друзья мои!
Иных уж нет...
О них я думаю в молчанье
В Ждановичах на склоне лет.

В руках старинная подкова,
В ушах — трубы походной медь.
И вновь себе даю я слово
Мую Самарскую воспеть.

продолжал наш секретарь. — А раз так, то создадим «КВАЛЛАП». Комиссию по сбору валенок и лаптей, — разъянил секретарь. ...На другой день приступили к работе. Пошли по дворам. Крестьяне охотно откликнулись на наш почин. Несли нам кошку, валенки, дратву, овчину, заячи шкурки, из которых можно нашить рукавицы, кое-кто дал старые тулупы. День за днем скапливались теплые вещи, а вот с лаптями дело было плохо. Оказывается, большинство комсомольцев плести их не умело.

— Пригласим стариков, они научат, — решил Алеша Посадов.

Так и поступили. По вечерам собиралась молодежь вместе и училась у стариков. Вскоре каждый стал готовить за вечер по две пары лаптей. Плохо было с керосином. Но тут помог комитет бедноты, выделил нам три фунта. При свете и работа спорилась. Степан Таратухин, деревенский балагур, придумывал по ходу дела рифмованные лозунги. Такой, например: «Изготовим лаптей горы, и бойцы не будут хворить».

...И вот настал день, когда пятьсот пар новеньких лаптей лежали у нас в кладовой. Погрузили мы их на подводу и передали красноармейцу со словами:

— Садись, дружок, в добрый час. Погоняй коней и с ветерком доедешь до города. Передай там, что деревенские комсомольцы всегда помогут бойцам Красной Армии.

Мы выстроились в ряд и запели «Интернационал».

...Прошли годы, неизменно изменилась наша Советская Армия. Стала она могучей и непобедимой. Наш народ не жалеет средств, чтобы отлично обмундировать ее, оснастить оружием и техникой. Но те пятьсот пар лаптей я не забуду никогда.

ДМ. ЕГОРОВ,
член КПСС с 1924 года

Уфа.

ЛЮБУЯСЬ НОВОЙ КРАСОТОЙ

* * *

Рассветное многоголосье.
Наш новый день приходит в срок.
Он много радостей приносит,
Но добавляет и тревог.

Кому поля, кому полеты,
Кому жара, кому и лед.
Да, что ни день, свои заботы.
Но есть ли счастье вне забот?

* * *

К прибрежным чащам тростниковым,
К мерцанию озерных вод
Спешат соседи-рыболовы,
Чуть посветлеет небосвод.

Все в напряжении великом,
Как будто ждет их громкий бой.
Удилища подобны пикам,
И плащ-палатки за спиной.

Но вот они со всею снастью
Отражены в большой воде.
И тишина приходит к власти,
Лишь только всплески кое-где.

Да в силу вековой привычки
Порой звучат среди осок
Слова победной переключки:
— Уклейка!
— Щука!
— Окунек!..

Один от счастья чуть не скачет —
Везуч!
Другой, наоборот,
Весь день молчит. А это значит,
Что у бедняги не клюет.

Но после, за ухую смачной,
Растерянность переборов,
Разговорится неудачник,
Раскинет руки рыболов.

Он даже растопырит пальцы
И всем поведает, смеясь,
Что был, да вот с крючка сорвался
Большой судак,
Огромный язь...

* * *

Весна, ты снилась нам пригожей,
Тебя мы ждали целый год.
Но вот явилась ты. И что же?
Гляжу, — весь облик твой не тот.

Твой март морозный спутал сроки,
Апрель ничем не обласкал.
Не для т а к о й слагал я строки,
Слова из сердца высекал.

Унылый дождь, сырая выюга,
Чуть луч блеснет — и снова мгла.

Ты, как сварливая супруга:
Немного ласки, много зла...

* * *

В господском доме нашей Анне
Отвел хоромы сельсовет:
— Заведуй хатою-читальней,
Неси односельчанам свет.

И этот свет зажегся сразу.
Любители печатных строк,
К заведующей синеглазой
Слетались мы на огонек.

Влекла читальня постоянно
Всех, а особенно парней.
Мы по уши влюбились в Анну, —
Никто не смел признаться ей.

Она, увы, не замечала
Ребят из нашего села,
Хоть с нами пела и плясала
Да и актрисой была.

И Жанну д'Арк и партизанок
Играла, зал бросая в жар.
— Эх, молодчина ваша Анна! —
Сказал приезжий комиссар.

А время шло без остановки.
И вдруг из наших скромных мест
На курсы переподготовки
Анюту вызвали в уезд.

Грустили, но гордились ею
Мы, снарядив землячку в путь:
— Учись! Но только поскорее
Вернись... Нас, грешных, не забудь.

Ее мы ждали непрестанно.
Однако с пачкой новых книг
Другой приехал вместо Анны
К нам из уезда выпускник.

Видать, кого-то полюбила
Волшебница... Простыл и след.
Ну что сказать? Нам горько было.
Мы все вздыхали много лет.

* * *

Май, повторяясь ежегодно,
Нас молодит и в поздний час.
Друзья, признаюсь вам охотно,
Я увлекался, и не раз.

Пускай меня осудит каждый:
«Угомонись, чудака седой!» —
А я, как прежде, чуда жажду,
Любуясь новой красотой.

Забудем возрастные даты,
Живем не только прошлым днем.
А сердце, как давно когда-то,
Звенит и ходит ходуном.

* * *

О жизни! Ты на извечных нивах
Красивыми рождаешь нас,
Но превращаешь в некрасивых,
Едва придет старенья час.

До срока порезвимся вволю,
Мелькнут поблажки, как во сне.
Потом начнутся хвори, боли
То в пояснице, то в спине.

То нам глаза туманом застит,
То невзначай в ноге стрельнет.
Приходят тридцать три несчастья,
А там уж и потерян счет...

Ах, если б каждый миг до края
Пройти по жизни, как юнец,
Чтоб лишь в последний миг, сгорая,
Тревожно вспыхнуть — и конец.

* * *

Почить бы рядом с отчим кровом,
Не покидая угол свой...
Лежит земляк в гробу сосновом
Под сенью чащи боровой.

Он ближний клин на зорьке ранней
Засеял рожью и овсом.
Заколосились на прощанье
Хлеба, взошедшие при нем.

Над ним качаются березы,
Он посадил их, поднял ввысь.
Сок по коре течет, иль слезы
Светло и скорбно пролились?

Здесь, переполненный любовью,
Он плел избраннице венки.
Цветут над грустным изголовьем
Чебрец, ромашки, васильки.

А мир в зарницах, в хвойном шуме,
Грозой внезапной освежен.
И мнится, что земляк не умер,
Он спит, сейчас проснется он.

Нет, слишком крепок этот сон...

* * *

«Мне дайте больше, чем другому!» —
Я не просил и не прошу.
С избыточностью не знакомый,
Чрезмерности не выношу.

Завидую не мощи львиной,
Не вашей цепкости, орлы,
А мудрой силе муравьиной
И трудолюбию пчелы.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

БОЛГАРСКИЙ

С тех пор, как Виктор Птицын, слесарь-сборщик, приобрел в рассрочку цветной телевизор, он мчался домой, где бы ни был, лишь бы не опоздать на передачу «Клуб кинопутешественников».

Однажды после очередного просмотра он воскликнул: «Мир прекрасен!» — и твердо решил путешествовать.

На заводе часто вывешивали объявления о туристских маршрутах. Виктор подсчитал свои годовые сбережения.

— Я, конечно, не миллионер, — сказал он своим товарищам, — но могу позволить себе такую роскошь, как зарубежная туристическая поездка.

— Смотри, птичка, пропорхаешь в чужих краях, а дома всех невест разберут! — пошутили друзья.

— Мне опасаться нечего, моя еще не подросла! — отшутился Виктор.

В двадцать два года можно не торопиться с женитьбой, хотя некоторые его сверстники уже и детками обзавелись.

— Какой мир, какие путешествия, если после работы надо спешить к домашнему очагу! — говорил он, когда друзья уговаривали жениться.

Виктор Птицын всегда отличался твердостью характера. Еще в школе решив стать рабочим человеком, слово свое сдержал. Вопреки семейной традиции — и дед, и отец, и мать были врачами — он после восьмого класса ушел в профтехучилище.

Прямо сказать, решение Виктора дома было принято в штыки. Только когда ему присвоили третий разряд, родители поняли, что с сыном спорить бесполезно. Окончив училище, Виктор поступил на автомобильный завод имени Ленинского комсомола. А спустя три года стал студентом заочного отделения автодорожного института.

Виктора потянуло в солнечные края: окунуться в теплое море, погреться на белом песочке. Осуществилась мечта. Вот она, Болгария! За неделю туристы повидали многое: Плевен, Велико-Тырново, Габрово, Шипку. И, наконец, туристы оказались на курорте «Золотые пески».

Не дождавшись обеда, Виктор отправился на пляж. Шум морского прибоя заглушался разноязыкой речью. На берегу пестрели разноцветные купальники, яркие надувные матрацы, зонтики всех марок.

Пробираясь между распластанными на песке телами, уже успевшими загореть, он подошел к кромке берега. Прохладная волна лизнула разогретые солнцем ноги.

— О море, море! — с восторгом выдохнул Виктор. — И совсем оно не черное, а какое-то серебристо-изумрудное.

Разбежавшись по мелководью, он нырнул. Волна накрыла его с головой и через мгновение выбросила на новый гребень. Он уверенно поплыл вперед, затем перевернулся на спину и, раскинув руки в стороны, стал покачиваться на волнах.

Полежав, Виктор развернулся и поплыл к берегу. Он плыл до тех пор, пока колени не коснулись дна. Тут он встал во весь рост и выбежал на раскаленный песок.

После обеда снова отправился к морю. Казалось, что с пляжа никто нигуда не уходил.

Птицын побрел вдоль берега. Мелкие волны медленно слизали его следы. Он шел к

пирсу, где на воде покачивались лодки и водные велосипеды. На пирсе группа мужчин перебирала рыбацкие снасти, оживленно разговаривая между собой.

Взгляд Виктора остановился на одном из рыбаков. Тот ловко прикреплял крючки к леске, устраивая нечто вроде «самодура», и над каждым крючком нанизывал цветное перышко.

— Хочешь пойти с нами в море? — спросил незнакомец Виктора.

Птицын даже вздрогнул от неожиданности. Он не предполагал, что вот так вдруг ему сделают предложение, да еще на русском языке.

— Хочу! — не задумываясь, ответил Виктор.

— Тогда давай знакомиться. Меня зовут Иваном.

— Как, Иваном? — удивился Виктор.

— У нас в Болгарии Иванов, как и в России, много. А тебя как?

— Виктор... — и тут же добавил: — Птицын.

— Птица-Птицын, — поиграл словами Иван. — Хорошая фамилия, крылатая. Ты случайно не летчик?

— Слесарь я... рабочий! — не без гордости ответил Виктор.

— Это хорошо. А я Иван Николов. Рыбак, лодочник, спасатель. Одним словом, морская душа... Поскольку у нас без отчества, зови просто Иваном.

— Где же вы так русскому языку научились?

— Да все здесь, на море. Частенько с вашими товарищами в море хожу, вон на той моторке. — И он показал на лодку под синим брезентом.

Так завязалось это знакомство, скоро перешедшее в дружбу. Не было дня, чтобы они не встретились. Заметив издали Ивана, Виктор спешил ему навстречу. Иван шел молодцеватой, легкой, слегка раскачивающейся походкой. Он часто затягивался сигаретой, дым надолго задерживался где-то внутри него, а затем сизыми струйками выходил через орлиный, слегка с горбинкой, нос.

Иван весь был тонкий: и фигура, и руки, и лицо, и душа.

Забравшись в лодку, Птицын пристраивался в носовой части, сбрасывая майку и, оставшись в плавках, ложился на дно моторки, подставляя бока солнечным лучам. Ему не терпелось поскорее загореть.

Он лежал и прикидывал: «Сколько же Ивану лет?» Вблизи тот выглядел намного старше. Продубленное всеми ветрами лицо было изрезано глубокими морщинами. Зеленоватосерые глаза прятались за короткими стрелками выцветших ресниц.

Однажды Виктор не выдержал:

— Извините за любопытство, Иван, сколько вам лет?

— Ты мне в сыновья годишься. Сорок шестой идет.

— Поначалу я думал, лет тридцать пять, а пригляделся, понял — ошибаюсь, — откровенно признался Виктор.

— Море красит только тех, кто приезжает любоваться им. Кому же приходится спорить с ним, оно закаляет.

— И давно вы связали свою судьбу с морем?

— Как тебе сказать? Со дня рождения. Я родился в Варне за десять лет до войны. Жизнь у нас тогда была совсем другая. Очень бедно мы жили. Мать работала на текстильной фабрике, зарабатывала гроши, а отец изготавлял чул для лошадей — попоны из козьей шерсти.

Теперь этой специальности уже нет, а раньше такой мастер «мутафчия» назывался. Тяжелый труд, занимались им только мужчины: сами пряли, сами и ткали чул, дорожки, дисаги — мешки такие, что крестьяне вместо сумок через плечо носили. Войну встретил десятилетним мальчишкой, а брат с сестрой и того меньше. Питались одной мамалыгой, мололи кукурузные зерна вместе со стержнем початка. Вот тогда-то и пришлось мне впервые рыбным «промыслом» заняться. Сажу в порту, наживку на крючки рыбакам насаживаю, за это они мне мелкую рыбешку отдавали. А из рыбешки этой мать суп варила. Шея моя настолько исхудала, что ее можно было обхватить двумя пальцами. Я очень стеснялся, никогда ничего не просил. Помню, когда в сорок четвертом году в школу определили и стали кормить там, у меня от волнения даже кровь из носа пошла. А ребята думали — от голода.

— А дальше что было? — продолжал задавать вопросы Виктор. — Сколько классов окончили?

— Мало. Всего два класса, — застенчиво сказал Иван и отвернулся к морю. Он немного помолчал, пригладил растрепавшиеся на ветру волосы и, обернувшись к Виктору, проговорил: — Шестнадцатилетним парнишкой вступил в кооператив по отлову дельфинов. В то время их можно было ловить, а потом запретили. Ученые доказывают, что они умные. Не знаю, насколько они умны, одно могу сказать: дельфин — порядочный хищник. Сам не раз видел, как, сытый, заглатывал он косяк кильки и выплевывал. Рыба гнила, а он, довольный, играл... Не мое, конечно, дело, но я бы их не опекал так. Рыбы мне жалко... Наука наукой, а рыба рыбой! — закончил Иван и подал Виктору спиннинг.

— А ну, попытаем рыбацкого счастья! — И, подмигнув, Виктор взмахнул удильцем.

Грузило шлепнулось в воду, пошло ко дну и потянуло за собой леску с крючками.

Виктору хотелось хоть что-нибудь поймать. Он быстро стал крутить ручку спиннинга. Из воды показались крючки, на одном из них, размахивая хвостом, трепыхалась небольшая ставридка. Гордый, Виктор снял с крючка рыбешку и бросил в ведро.

— Есть для начала! — торжественно произнес Птицын. — У нас говорят: «Ловись рыбка большая и маленькая!»

Иван посмотрел на него, улыбнулся. Он стал подергивать свое удильце. Леска натянулась, как струна. Ровным движением руки он начал наматывать ее на катушку. С лески, точно россыпь алмазов, скатывались капельки воды, играя в лучах солнца. На крючках, всплескивая воду, покачивались ставридки. Виктор стал считать: одна, две, три, пять... семь... девять! — Вот это да! — ахнул он и бросился помогать Ивану снимать рыбу с крючков. — Как это у вас получается?

— Спешить не надо. Чувствуешь: взяла — подцепи ее на крючок и жди следующую, и так до тех пор, пока рука определит, сколько их набралось.

— Мне до вашего искусства далеко, — вздохнул Виктор.

— Не горюй, освоишь нашу технику, а вот мне твоего ремесла уж не осилить!

— А скажите, пошли бы на завод к станку, если бы жизнь снова начать?

Иван задумался, посмотрел на Виктора, перевел взгляд на море и твердо ответил:

ИВАН

— Нет! Не могу без моря жить! Даже когда не вижу его, все равно ощущаю плеск волн, горьковато-соленый запах водорослей, синевато-зеленый цвет воды.

— И красивых женщин на песке!— озорно подмигнул Виктор.

— О!..— смущенно протянул Иван.— Мне так надоело смотреть на оголенные тела, что даже дома, когда жена раздевается, я свет выключаю. А вообще-то скажу тебе, Виктор, посмотрелся я на мужчин и на женщин и должен сказать, что самое красивое земное творение — женщина. Что верно, то верно.

Между разговором они забрасывали лесу и вытаскивали гирлянды серебристой ставриды. Вдруг рыба исчезла, а вместе с ней и крючки с грузилом на спиннинге Виктора, будто кто ножом перерезал леску.

— Чудеса!— удивился Виктор.— Может, за камень зацепило?

— Лефер откусил. Он и рыбу спугнул,— пояснил Иван.

— Это кто же такой?

— Рыба... Поймаем — увидишь. Очень вкусная, но хищная, мелкая рыбешка ее боится. Иван завел мотор, и лодка пошла вперед тихим ходом. Он подал Виктору удочку с более крупными крючками.

— Забрасывай! Думаю, поймает лефера. Как потянет леску, вытягивай,— объяснил Иван и направил лодку к месту, где на воду то и дело опускались чайки: первый признак того, что здесь находится косяк рыбы.

— Раз рыба поднялась вверх, значит, лефер за ней увязался. Опустил леску поглубже,— посоветовал Иван Виктору.

Лодка спугнула чаек, закружилась там, где они только что садились.

— Лефер на одном месте долго не стоит, он все время движется за добычей,— пояснил Иван.

В это время удочку сильно потянуло. От неожиданности Виктор чуть не обронил ее. Схватившись, стал наматывать леску на самодельную катушку из пробкового дерева, пристроенную к удилищу. Тянуть было нелегко. Иван стал помогать. Над водой показалась рыба — сантиметров в тридцать — тридцать пять, чем-то напоминающая крупную скумбрию. За ней потянулась вторая, третья...

— Пять рыбин, вот здорово!— воскликнул Виктор.

— Молодец!— подбодрил его Иван.— Из тебя неплохой рыбак получиться может!

Рыбалка на этот раз удалась: полведра ставриды, десятка два бычков и шестнадцать леферов.

— Жаль, матери здесь нет, а то бы такую уху смастерила! Тройную!— посетовал Виктор.

Иван не раз угощал Виктора ухой, но она была не такая, как дома. Варил он ее по-особому: забеливал молоком с растертыми желтками и добавлял для остроты ломтик лимона. «Вкусно, но это не уха!— доказывал Виктор.— Настоящая рыбацкая уха варится без молока». И он рассказывал, как варит мать, когда они вместе с отцом ездят рыбачить на Волгу.

— Завтра я тебе сварю такую, как ты хочешь,— пообещал Иван.— Приходи сам и приведи своих товарищей. Всем рыбны хватит.

— Завтра экскурсия на Солнечный берег. Тогда послезавтра. Я положу рыбу в холодильник.

— Нет!— возразил Виктор.— Вари завтра, я никуда не поеду.

— Поезжай, там интересно: песчаные дюны, неподалеку город Несебыр, словно сказочный мираж среди морского простора, с памятниками византийской архитектуры и знаменитой церковью святого Стефана. А уха подождет!

И все же Виктор никуда не поехал. С утра он пошел к морю, отыскал Ивана и провел с ним весь день. Разлука с Иваном портила ему настроение. Никакие поездки, никакие увеселения его не интересовали.

Сидели они вдвоем в небольшой комнате при лодочной станции и хлебали уху.

— Вот теперь уха что надо!— восхищался Виктор.— Под такую и рюмочку не грех опрокинуть. Как у нас говорят: «Рыба любит плавать!»

Иван достал из шкафчика бутылку с домашней ракией, поставил на стол. Ракия оказалась крепкой, приготовленной из винограда. Выпили по одной стопке, больше не стали. Ни тот, ни другой не были любителями спиртного. Виктор стал рассказывать о заводских друзьях, о заочной учебе в институте, о театрах Москвы.

— А жениться не собираешься?— спросил Иван.

— Жениться?— переспросил Виктор.— Нет. А что?

— Все у тебя работа да учеба, а где же любовь? Ты парень красивый, здоровый, за тебя любая девушка пойдет.

— Девушки подождут. У меня своя программа на сей счет. Расскажите-ка лучше, как вы женились?

— Я?— смутился Иван.— Да как тебе сказать?.. Приехала она из Софии в Варну к родственникам, отдыхать. Ну... познакомились, потом поженились.

— И все?

— Нет. Когда я ей рассказал, как голодал во время войны, она заплакала и говорит: «Как жаль, что я тебя тогда не знала. Мы жили лучше вас, и я могла бы тебе помочь». Долго мы потом смеялись, подсчитав, что ей в ту пору шестой год шел, хорошая бы из нас парочка получилась!

— Видать, сильно полюбила вас,— заметил Виктор.— А потом вы за ней в Софию уехали?

— Уехал. Если бы ты знал, Виктор, как я там по морю скучал! Даже на работу в рыбный магазин устроился, поближе к дарам моря. Пять лет промучился, а потом жена пожалела меня, и мы вернулись в Варну.

— Жена не ревнует вас к морю?

— Теперь нет. Привыкла! О моей страсти к морю все знают. Когда служебным автобусом возят нас из города на работу и обратно, мое место никто не занимает. Я сажусь к окну и всю дорогу смотрю на море...

Наступил день отъезда Виктора. Иван не пошел утром в море. Он понуро бродил по пляжу и курил одну сигарету за другой. Виктор укладывал чемодан, то и дело выбегал к Ивану: то сигареты отдал, то запонки отстегнул от рукавов рубашки и подарил на память. Иван отказывался, не брал, но Виктор убеждал, что положено что-то оставить на память. Тогда Иван предложил взамен связку вяленой ставриды и несколько ракушек.

Пришло время прощаться. Иван куда-то исчез, и Виктор не мог отыскать друга. Время не ждало. Расстроенный, он сел в автобус. Машина покатила по асфальтированной дорожке. Вдруг за поворотом промелькнула знакомая фигура.

— Остановите, пожалуйста, остановите!— попросил водителя Виктор.— На одну минутку, прошу вас!

Виктор выскочил из автобуса и окликнул Ивана. Тот обернулся. В глазах у Ивана застыла грусть. Губы были плотно сжаты. Нервно задергались желваки на скулах. Виктор подбежал к нему, схватил за руку и крепко сжал ее. Иван обхватил Виктора за плечи и по-мужски встряхнул.

— Прощай, морская душа!— сдавленным голосом произнес Виктор.— Знай, в Москве, на Таганке, живет твой верный друг.

— Прощай, Виктор, прощай, рабочий человек! И помни, братушка: в Варне, у Черного моря, тебя всегда будет ждать болгарский Иван.

СЕРДЦЕ, ПОДЕЛЕННОЕ ПОПОЛАМ

Александр МИНЬКОВСКИЙ,
польский писатель

Моему поколению детство досталось нелегкое. Бомбежки, горящие дома, вой пикирующих бомбардировщиков.

Помню бегство от гитлеровцев, дорогу в глубь Страны Советов, первые слова на неизвестном еще мне, напевном русском языке. Дети учат язык быстро. Вскоре я уже говорил по-русски даже с мамой, удивляясь, что она отвечает мне иначе, чем все вокруг. Завел первую крепкую, на жизнь и на смерть, дружбу с Вовкой Королевым, впервые влюбился в свою ровесницу, восьмилетнюю Юрчу Самтумову, и написал свои первые стихи, конечно, по-русски:

...Мчится наша кавалерия
На прекрасных на конях.
Отражается луч солнца
На блестящих на клинках.
Быют клинки те без пощады,
Рубят подлого врага...

Там, в Советском Союзе, мне снилась Польша, и я с болезненным нетерпением ждал окончания войны. Потом, на родине, мне снилась Россия, я скучал по Вовке и Юрчу, по буйному пейзажу тайги, по учителю литературы Михаилу Гусеву, научившему меня любить Лермонтова и Есенина.

Так уж и осталось. Тоска, острота чувств, близость. И не случайно, а по зову сердца мои писательские странствования ведут на восток, в страну друзей.

Вспоминаю свою последнюю поездку. Хатынь... Ветер гуляет среди бетонных труб, вплетается в скорбный перезвон, взлохмачивает нам волосы, покалывает холодом поздней осени. Мы кладем венок. Такие же венки ложатся и у нас в Освенциме и Трешинке, под стенами казни, с черными от пуль дырами. Хатынь... Я проезжал здесь тридцать лет назад подростком, возвращаясь на родину после окончания войны.

Пять гостеприимных лет, нелегких лет на северной реке Вычегде. Буйная тайга, сердечность комичей, трескучий мороз, от которого в воздухе замерзали слова. Весной они оттаивали, и тогда слышно было пение, вздох, заигрывания влюбленных... Помню голод. Гитлеровцы оккупировали богатейшие житницы Страны Советов, продуктов не хватало всюду, а на севере особенно. Люди делились с нами скудной своей пищей, под-

бадривая: «Ничего, одолеем Гитлера, вернетесь к себе».

Помню яблоко. Румяное, большое, ароматно пахнущее. Пришло в посылке из далекого Узбекистана. Только одно-единственное и уцелело — остальные испортились в дороге. Посылку прислала женщина для своей маленькой дочки, которую воспитывала бабушка. Я тогда тяжело болел, бредил в жару. И вот старушка принесла мне яблоко: «Съешь, выздоровеешь!»

Пусть врачи утверждают, что яблоко не лечит от воспаления легких. Я выздоровел. Буду помнить это яблоко до конца жизни. И старушку, которая его принесла, и худенькую девочку Катю, которая с напускным равнодушием смотрела, как вгрызался я в это чудо: «Ешь, ешь на здоровье!»

Возвращаясь после войны домой, я смотрел из окон вагона на сожженные советские деревни, на закопченные печные трубы. Потом мы пересекли границу, и такие же дымоходы я видел на польской земле. Общность судеб, общность истории...

Прошли годы. Я приехал в Солигорск. Многоэтажные современные здания, улицы чистейшие, зелень. Когда секретарь горкома скажет, что здесь были болота и трясина, а шахты и город построила молодежь, я вспомню страницу из собственной биографии: деревня Ручша, дождь барабанит по палаткам, глиняное тесто заливается за голенища резиновых сапог, вода в траншеях цвета мутного кофе. На ладонях волдыри от лопаты. Пейзаж сражения: вырванные с корнями деревья, воронки, цепочки траншей — Новая Гута, год 1951-й.

В шахту, где добывают калийные соли, мы спускались на скоростном лифте. Внизу — автомобиль, нормальный, экскурсионный, со скамеечками. Семь километров езды по тоннелю. Потом — ошеломление: сказочной красоты грот переливается огнями, пурпурными, зелеными, белыми. Кристаллы причудливо преломляют свет, под ногами у нас скрипят драгоценные камни. Возле металлического чудовища, которое вгрызается в многоцветные кристаллы, режет, раздавливает их, перекидывает на транспортер, — двое людей в защитных масках. Время от времени пододвигают, нажмут какую-то кнопку, передвинут рычаги. Чудовище оставляет за собой тоннель, по которому могли бы ездить поезда метро...

Из Советского Союза в Польшу ежегодно поступает свыше двух миллионов тонн калийных солей.

Во время той поездки в Солигорск на границе каждого района нас встречали девушки в национальных костюмах. Гремели оркестры, столы были уставлены угощениями: уха, грибы, малосольные огурцы, знаменитый квас. Гостям подносили хлеб-соль: свежий румяный каравай нового урожая на вышитом полотенце. Гостеприимство? Не только. На встречах каждый второй оратор декламирует стихи — белорусские, польские, русские. В книжных магазинах — осадное положение. На автобусных остановках люди читают книги. В публичных читальных залах, а мы видели их несколько, ни одного свободного места. В библиотеках — выставка наших книг. На польском, на русском, на белорусском. Потропанные, зачитанные, где можно, склеенные. Библиотекари смущенно извиняются. Какие тут извинения! Нет большей радости для писателя, чем его зачитанные, что называется, до дыр книги!

Здесь литература любима пылко, страстно. Когда в Новогрудке на трибуну вышел

Василь Быков, он долго не мог начать говорить, оглушенный аплодисментами.

Новополоцк. Несколько огромных предприятий с «Полимиром» во главе. Полностью автоматизированное производство синтетических волокон. Снова кнопки. В начале линии — «молочный суп», в конце ее — пряжа всех цветов радуги. Потом едем за город. Асфальт, немного ухабов, и вот мы уже на площади, окруженной кремово-золотистыми домиками.

— День добрый, ждем вас! — раздается по-польски. Улыбающиеся лица. На скромной табличке у въезда на площадь надпись: «ЭНЕРГОПОЛ». Здесь живут польские строители нефтепровода, который соединит берег Балтики с уральскими и поволжскими месторождениями. Двухместные комнаты, столовая, собственная библиотека, радиоузел, клуб. Зарабатывают хорошо, но работа не из легких: нитка трубопровода прошивает топи и пуши. Работа для настоящих мужчин. Болезни? Прогулы?

— Нет, — твердо отвечает директор строительства. — Знаете, самолюбие — это тоже важно. Хочется показать, что мы можем. А можем, как выясняется, работать замечательно.

— Никаких проблем?

Директор вздыхает.

— Каждому хотелось бы на праздники домой. Всех сразу отпустить не можем, едут лучшие. Перед праздниками рапорты лопаются от рекордов.

Дружат с Новополоцком. Ходят в гости к друзьям. Уже одна свадьба состоялась, в проекте еще несколько...

Пятнадцать лет назад я навестил Коми, край моего военного детства. Нашел хозяина, у которого жили, и его дочь Юрчу, мою первую любовь. Помню свое потрясение при виде города. В воспоминаниях он сохранился белым от снега, с деревянными мостовыми, одноэтажными домиками из почерневших бревен, а встретили меня июльская зелень парка и многоэтажные стройные здания — новый Сыктывкар. Не узнал. Вздунтовалась память. И как-то жалко стало, что нет уж и следов моего детства — тесных дворики, где мы играли в партизан, сводок из уличного громкоговорителя, плаката «Родина-мать зовет!».

После той поездки появилась книга — поклон моим советским друзьям по детству, книга, полная размышлений о прошлом и настоящем. В русском переводе (ее готовит «Молодая гвардия») она называется «Дороги воспоминаний».

...Последний этап моей последней поездки: поле битвы, где в годы войны поляны и русские вместе проливали кровь. Холмы. Речка в долине. Болота. Голые открытое пространство с преющей лесной зеленью. Здесь были враги, там наши: наступали по болотам, через реку, к высотам, откуда поливали огнем фашисты. Сейчас здесь тихо, не слышно свиста пуль, не пахнет порохом. Лишь серое небо и зимний ветер. Овальный купол мавзолея. Вечный огонь над памятником погибшим. Ленино.

Позже ветеран с лицом, изборожденным морщинами, грудь в орденах, скажет нам: «Лучших польских друзей похоронил я там. С теми, кто жив остался, связан дружбой и по сей день. Братской».

В статьях, воспоминаниях, мемуарах пишут: «Братство, скрепленное совместно пролитой кровью». А как можно сказать иначе?

Агентство «Интерпресс»,
специально для «Огонька»

Варшава.

КРАЙ СТЕПНЫХ ПРОСТОРОВ

Мухамеджан КАРАТАЕВ,
главный редактор Советской
Казахской Энциклопедии,
академик, лауреат
Государственной премии
Казахской ССР

Много легенд и сказок, песен и поэм бытовало издревле на земле казахской. Они запечатали думы и чаяния нашего народа. Широко распространена была у нас легенда о великом печальнике Асане-Кайгы, который всю жизнь искал землю, где бы луга зеленели сочной травой, а вода в родниках была чиста, как слеза, где жаворонки вили бы гнезда на спинах овец и люди радовались простору и воле. Но проходили годы, века, много земель объехал Асан-Кайгы, а края, о котором мечтал, так и не нашел...

В легенде этой отразилось извечное стремление моего народа к свободе и счастью. И так и осталось бы это красивой сказкой, если бы не Великий Октябрь.

Сердечно приветствуя новую Конституцию Советского Союза, все мы с радостью ощущаем и сознаем отразившиеся в этом документе исторические завоевания Великого Октября, мудрость политики Коммунистической партии, обеспечившие советским гражданам подлинную свободу и право на счастливую жизнь. Мы наглядно видим в этом документе торжество ленинской национальной политики, которая прочно утвердила монолитную дружбу и братство всех наций и народностей в единой семье — Советском Союзе.

Ярким примером всестороннего расцвета и неуклонного сближения всех наций и народностей нашей страны может служить Советский Казахстан, в котором живут представители свыше ста национальностей. И все мы гордимся великими преобразованиями, происшедшими в республике бла-

годаря Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря победе социализма. Мы гордимся индустриальными гигантами, благоустроенными городами, селами, бескрайними целинными просторами, достижениями науки и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию и интернациональной по духу и характеру. И как нам не гордиться этим, если все это произошло в течение жизни одного поколения, которое прошло путь, равный столетию. Мы знаем, что творцами этих перемен были не только труженики Казахстана, а все народы нашей страны. Сыны и дочери десятков национальностей совместно строили Караганду и Джезказган, Балхаш и Темиртау, Ачисай и Экибастуз, сооружали Чимкентский свинцовый завод, Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный и Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинаты, Павлодарские алюминиевые и тракторный заводы... Дружба и братская взаимопомощь советских народов стали законом нашей жизни. В своем докладе на пятой сессии Верховного Совета Казахской ССР девятого созыва член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев подчеркнул: «Казахская Советская Социалистическая Республика в братской семье советских народов достигла ныне небывалого расцвета экономики, науки и культуры. В настоящее время Казахстан дает промышленной продукции в 43 раза больше, чем промышленность республики в 1937 году». В результате этих великих преобразований в корне изменился облик республики. Там, где раньше проходили караваны да мчались сайгаки, возникли десятки новых, социалистических городов. Сорок лет назад количество их в Казахстане не достигало и тридцати, а сейчас — более восьмидесяти. Казахстан по производству электроэнергии занимает теперь третье место в стране — он производит ее в 194 раза больше, чем в 1937 году, а угля добывает более девяноста миллионов тонн — второе больше, чем давала вся Россия до революции. В республике есть теперь своя могучая черная и цветная металлургия, машиностроение и химия. Бурное развитие получили легкая и пищевая промышленности. Казахстан ныне имеет экономические связи с 80 и культурные — с 96 странами мира.

Прежде казахи не знали иного средства передвижения, кроме

лошади и верблюда. Сейчас по протяженности железных дорог и перевозкам республика занимает одно из первых мест в стране.

Необъятны степные просторы Казахстана. Едешь весь день на автомашине, а все не можешь объехать территорию одного района. А сколько их в республике!

Безбрежные поля золотой пшеницы, пьянящий аромат садов и виноградников, сочные луга, бесчисленные стада — это результат совместного героического труда всех советских людей, под руководством Коммунистической партии они освоили целину в Казахстане. Наша республика стала одной из крупнейших житниц страны. Сейчас посевная площадь республики превышает 30 миллионов гектаров земли, уже давшей стране миллиарды пудов хлеба. Сегодня имена хлебоборобов Жансултана Демеева, Пайзолы Алдиярова, Дикана Шинкеева, Михаила Довжика, Синдыбалы Онгарбаевой, Камшат Доненбаевой и многих, многих других знает вся страна. А о знаменитом просоходе Чиганаке Берсиеве и прославленном рисоводе дважды Герое Социалистического Труда Ибрае Жахаеве знают и за рубежом.

Наша республика — край высокопродуктивного животноводства. Ее огромные пастбища дают широкий простор для развития овцеводства не только в южных, но и в северных районах. Казахские мериносы, каракульские и курдючные породы вызывают восхищение специалистов многих зарубежных стран.

Поистине грандиозных перемен добился наш народ в развитии просвещения, науки и культуры. В начале нынешнего века в Казахстане грамотность не достигала и десяти процентов. Лучшие представители казахского народа, жившие в прошлом столетии, — первый его ученый Чокан Валиханов, первый педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин, великий казахский поэт и мыслитель, основатель казахской письменной литературы Абай Кунанбаев, открывшие казахской степи Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Щедрина, понимали, как необходимо народу просвещение, и отдавали все силы, знания этому благородному делу. Но чаяниям народных просветителей суждено было сбыться лишь при Советской власти. Казахстан стал республикой сплошной грамотности. В настоящее время у нас насчитывается более девяти тысяч общеобразовательных школ, в

которых обучается свыше трех миллионов детей, в 50 высших и 217 средних специальных учебных заведениях занимаются почти полмиллиона студентов и учащихся.

Одно из блестящих завоеваний культуры — это кадры национальной интеллигенции. Ныне в народном хозяйстве республики работает около миллиона специалистов с высшим и средним образованием. Успешное развитие получила наука. Крупнейшими научными центрами стали Академия наук Казахской ССР, восточное отделение ВАСХНИЛ. Труды ученых Казахстана обрели союзную и мировую известность.

Издана первая в истории казахского народа многотомная Советская Энциклопедия на родном языке — сорок лет назад об этом нельзя было и мечтать.

Поразителен взлет казахской советской литературы и искусства, рожденных Великим Октябрем. До революции письменной литературой занимались единицы, а сейчас в республике более трехсот писателей, пишущих на казахском, русском, украинском, уйгурском, корейском, немецком языках.

Всему миру известно творчество гиганта казахской поэзии акына Джамбула, имя великого Абая, на многие языки переведены произведения лауреата Ленинской премии писателя Мухтара Ауэзова, лауреата Государственной премии СССР Абдижамила Нурпеисова, лауреатов Государственных премий республики Тахави Ахтанова, Ануара Алимжанова, Джубана Мулдагалиева, Хамзы Есенжанова, Габита Мусрепова, Абдыллы Тажибаева, Габидена Мустафина, лауреата премии Ленинского комсомола Олжаса Сулейменова.

Чудесными красками заискрилось казахское национальное искусство. Сейчас в республике 25 театров, в числе которых академический театр оперы и балета, академический театр драмы, государственная консерватория, филармония.

Великий Кобзарь Украины Тарас Григорьевич Шевченко когда-то с горечью сказал, что «страна молчит на всех языках». Ныне в Советском Союзе все люди, к какой бы нации они ни принадлежали, свободно, раскованно говорят на родном языке, а многие из них говорят, читают и пишут также на русском языке, ставшем их вторым родным языком, укрепляющим братство и единство советских людей.

Ю. ЛУШИН,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Пустыня вплотную подступала к городу с трех сторон, сторожила его у окраинных домов, угрюмая, загадочная и беспощадная. За многие столетия она привыкла к безмолвию и единовластию, но люди в какие-то полтора десятка лет вдруг совершенно преобразили ее жизнь. Ей и раньше приходилось видеть людей, но эти, нынешние, были какие-то особые: они не боялись ее. И она теперь, казалось, раздвигалась, изменяла ли ей свой характер, окончательно подчинившись пришельцам, или заставляла выждать момент, чтобы разом стереть город в пыль, а потом вновь погрузиться в спячку. Впрочем, иногда выдержка изменяла пустыне, и она бросала на город целые тучи пыли и песка. Ветер, ее верный союзник, со свистом врывался в улицы, гнул к земле кустарники и деревья. Люди же просто плотнее закрывали окна и говорили:

— «Коефициент» пожаловал из пустыни, давненько его не было...

Они еще и шутили! Ветер злился на нелепое свое прозвище, терял от злости силу и тихо

стройку, саженцы. Потом пустили опреснитель, и жажда отступила...

Непостижимо, но визитной карточкой города в пустыне стала ветка акации. Люди понимали, что привезти сюда можно все, кроме тени деревьев, и потому отчаянно сражались с засухой... До сих пор приходят из глубин пустыни пастухи посмотреть на невиданное чудо. Они привязывают на окраине города своих верблюдов и идут к деревьям. Ласково пропускают меж ладоней нежные листья и что-то шепчут им. Потом верблюды вновь уносят пастухов в середину песков, где, может быть, рождаются легенды о городе Шевченко. И он их достоин. Недаром его архитектура выдвинута на соискание Государственной премии нынешнего года...

— Впервые в мировой практике пустыня обживалась столь комфортабельно, — говорил Бакир Босжигитов. — Может быть, поэтому рост города опрокинул все прогнозы. Рассчитывали, что в Шевченко будут жить восемьдесят пять тысяч человек, но уже сейчас — сто десять тысяч.

Город по-настоящему красив и уже сейчас имеет свое неповторимое лицо. Оно в своеоб-

— Вот, полюбуемся на наши самовары, — с нарочитой небрежностью сказал кандидат технических наук Иван Григорьевич Вахнин.

Я, задрвав голову, посмотрел на огромные, высотой с многоэтажный дом емкости, поставленные вертикально и оплетенные хитроумной системой труб. Даже при самом пылком воображении не обнаруживалось ни малейшего сходства с самоварами, однако функция их оставалась той же — кипятить воду. Причем воду не обычную, а морскую. Может быть, поэтому Вахнину дали несколько необычное для сухопутного человека прозвище — Нептун. Он и был начальником этих установок — знаменитых опреснителей, был в некотором роде кудесником: превращал соленую воду в пресную...

Я только что вернулся из Форта-Шевченко, места, куда в середине прошлого века царь сослал на долгие семь лет украинского поэта Тараса Шевченко. В моих глазах еще казался однообразный пейзаж пустыни, выжженные колючки, верба, посаженная рукой Кобзаря и заботливо сохраненная потомками. Там он записывал в свой дневник: «Пустыня совершенно без всякой растительности, песок да камни... Смотришь, да такая тоска тебя возьмет, просто хоть давиться, так и удавиться нечем...» А тут кругом журчали фонтанчики, цвели гладиолусы фантастических размеров, струилась прохлада. Видно, в лице моем отразилась растерянность, смешанная с изумлением, потому что Нептун улыбнулся и сказал:

— Давайте я вам объясню, как это все про-

НЕФТЬ, ВОДА

И ФАНТАЗИЯ

умирал между домами. А город продолжал стоять как ни в чем не бывало и казался даже прекраснее, чем был до бури. Элегантные дома смотрели с высоты своих двенадцати этажей в воды Каспия, из открытых окон, с балконов доносились музыка, говор и смех.

Тихо опускались сумерки. На крыше ближнего к морю здания зажегся маяк и подмигивал Каспию всплесками красно-белого света. Брыз пугались в деревьях, от воды шел запах йода, соли и водорослей, просторные улицы заполнялись нарядной публикой. Казахская речь мешалась с русской, украинской, азербайджанской. Небо постепенно темнело, наливаясь переспевшими звездами. Острое чувство восторга и какой-то нереальности происходящего овладевало мной, рождалось странное ощущение, что когда-то давным-давно я уже бывал в этом городе. Как объяснить себе это ощущение, я не знал, но, видимо, не на меня одного так действовали мангышлакские вечера — однажды я услышал обрывок разговора:

— Ты знаешь, мне кажется, наш город похож на Атлантиду...

Днем от этого ощущения и следа не осталось. Небо, сожженное суховеями, измотанное смерчами, обдавало доменным жаром, и верилось, что совсем недавно эти места обходили даже караваны верблюдов.

— Гиблое было место, — подтвердил Бакир Босжигитов, заместитель председателя горисполкома. — Как это представить себе? Очень просто. Надо всего на километр отъехать от города и глянуть в лицо пустыне. Первым жителям приходилось особенно трудно. Пустыня не знала жалости. Здесь не было не только воды, но и земли — лишь раскаленные камни да песок. Землю возили на баржах из Астрахани, потом засыпали в скважины, пробуренные в ракушечнике, и втыкали туда саженцы. Воду возили из Махачкалы и Баку, ее постоянно не хватало. Жажда мучила всех: людей,

разии свободной планировки кварталов, в оригинальности зданий, построенных по индивидуальным проектам, в цветовых решениях отделки фасадов, в повсеместном озеленении. Градостроители не стремились упрощать архитектурные решения, они искали пути преодоления трудностей, которых хватало с избытком. И все же задачу они поставили перед собой максимальную — обеспечить как можно более высокий уровень городской жизни. Они ушли от соблазна превратить город в сплошную строительную площадку. Они создавали его по частям, логично выводя кварталы к морю, создавали микрорайонами, но каждый микрорайон стремились завершить в комплексе — как в архитектурном смысле, так и в отношении обслуживания: здесь так много уделяют внимания детсадам, школам, магазинам, столовым, спортивным сооружениям, озеленению, благоустройству. Такой подход к делу диктует жизнь: Шевченко — город молодежный, средний возраст жителей — 25 лет...

Насколько успешно справились градостроители с задачей, можно судить по тому, что Международный союз архитекторов удостоил город премии. В протоколе заседания жюри особо отмечалось, что премия присуждена «за создание комплексных городских ансамблей в сложных природных условиях, за успешную попытку гуманизации традиционного городского пейзажа путем озеленения и обводнения городской территории».

Каждый вечер я выходил к морю и шел вдоль берега к причалу. В нагретых за день водах Каспия плескались любители ночного купания. В ночи, словно бы густо замешанной на саже, зажигались огни города — неон вывесок, витрины магазинов, окна домов. Они отражались в воде, и казалось, что из моря встает призрак легендарной Атлантиды...

исходит. — И обвел щедрым жестом опреснители, фонтаны и зелень, захватив полгоризонта. — В сущности, все просто. Сюда, в эти башни, подходит по каналу каспийская вода, нагревается до кипения и освобождается от солей. Вот, собственно, и все. Понятно?

— Понятно, — сказал я, — но хотелось бы подробнее...

Вахнин посмотрел на меня с интересом и добавил, что в СССР есть лишь один город, полностью живущий на опресненной воде моря, — это город Шевченко.

— В таком случае я близок к открытию, — сказал я. — Известно, что в Каспийское море впадает множество рек и ни одна не вытекает. Так было, но теперь в географию придется внести поправку, потому что появилась река, вытекающая из Каспия. Это водовод, проложенный от опреснителей. Ведь такому городу, как Шевченко, наверняка требуется только для питья целая река...

— Это мне нравится, — произнес Нептун-Вах-

Технолог узеньского газоперерабатывающего завода Н. Е. Казанцев и начальник участка С. С. Аулебаев.

Земля и вода Мангышлака.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Здесь была пустыня.

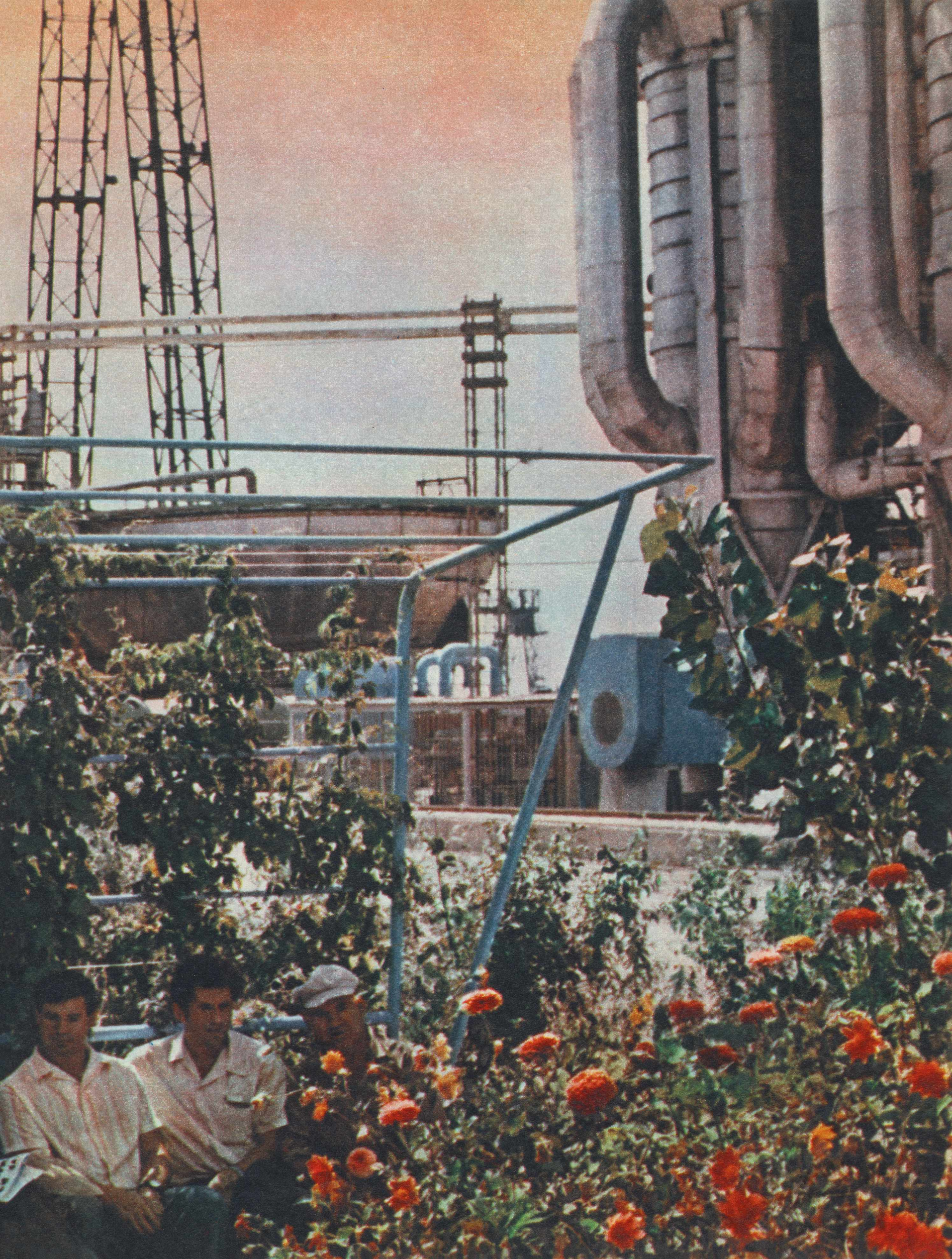

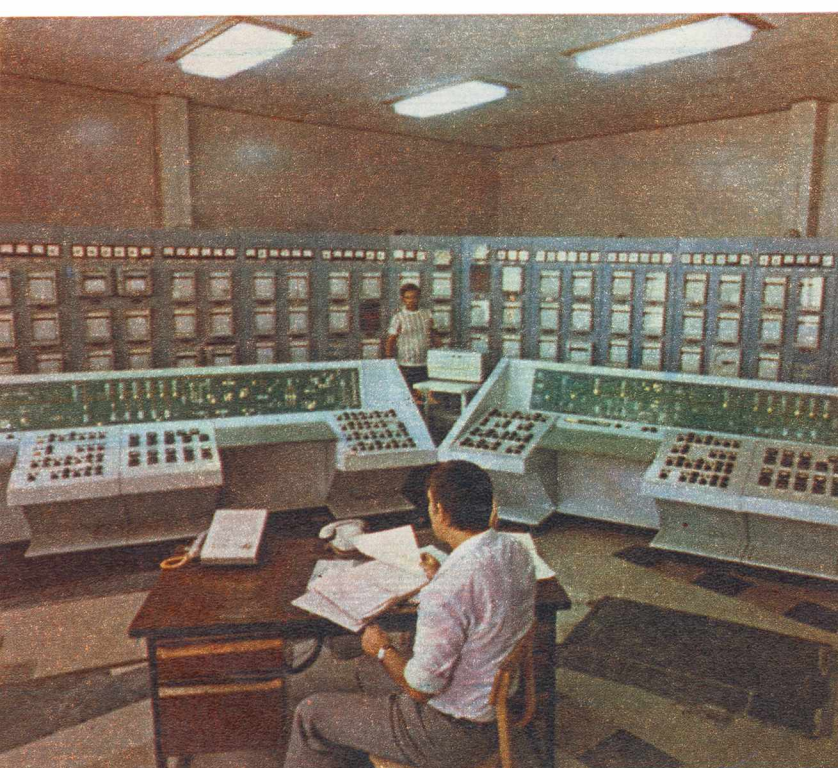

нин и закатил часовую лекцию об опреснении...

Оказывается, проблема пресной воды возникла не сегодня и не вчера. Еще в XVI веке королева Англии издала указ, по которому изобретателю дешевого способа опреснения морской воды обещалась премия в 10 тысяч фунтов стерлингов. Англичане, как известно, чтут традиции: указ до сих пор остается в силе. Однако прошло 400 лет, а претендент на премию пока не объявился.

На Мангышлаке проблема пресной воды требовала немедленного решения. Здесь слова «без воды нет жизни» имеют буквальный смысл. На первых порах воду доставляли танкерами из Махачкалы в Баку. Но от этого способа быстро отказались. Во-первых, он был ненадежен: на Каспии часты штормы. Во-вторых, дорог. Именно тогда в Шевченко родилась поговорка: «Кубометр нефти у нас стоит пятак, а кубометр воды — пятак с рублем». Ученые предложили доставлять воду с Волги, Урала и Сулака по стальным водоводам, проложенным по дну Каспия. Но экономисты подсчитали, во что это обойдется, и оказалось, что стоимость воды приблизится чуть ли не к цене золота. Остался третий вариант — опреснение. В 1963 году пустили первую опытно-промышленную опреснительную установку производительностью 150 тонн дистиллята в час, а через четыре года промышленную установку, которая уже давала за час 550 тонн воды. Накоп — хроническую болезнь опреснителей и котлов — удалось устранить весьма оригинальным, простым и дешевым способом. В воду добавляли меловую затравку — частицы мела, которые притягивали осадки и выносили их из аппарата. Кстати, этот способ получил промышленное применение именно на Мангышлаке и теперь за рубежом носит название советский...

И все же получаемой воды не хватало: слишком стремительно рос город. Тогда родилась мысль опреснять воду с помощью атомного реактора на быстрых нейтронах, впервые в мире построенного здесь для промышленных целей.

Теперь наш реактор дает сто двадцать тысяч тонн дистиллята в сутки. Действительно, целая река вытекает из Каспия, а в ближайший десяток лет ее мощь должна удвоиться...

— Но дистиллят в некотором роде мертвая вода, ее не попьешь, — сказал я.

— Верно. Но если смешать две мертвые воды, они превратятся в живую. И вот каким образом. На Мангышлаке много минерализованной солоноватой воды. Она тоже как бы мертвая, для питья не годна. Но если ее смешать в определенной пропорции с нашим дистиллятом, то получится вода живая. Разумеется, смесь эта проходит несколько ступеней очистки, ее хлорируют, удаляют морской запах, обогащают бикарбонатом кальция. Каждый час лаборанты делают химический и бактериологический анализ воды. Врачи постоянно наблюдают за людьми разных возрастов, но никаких вредных последствий не обнаружено. Вода соответствует всем требованиям ГОСТа...

— Хватает ли ее?

— Вполне. В сутки на душу населения в Шевченко приходится четыреста — четыреста пятьдесят литров. В Москве, для сравнения, столько же, а такой город, как, например, Брюссель, может нам позавидовать. Там на человека приходится лишь сто литров, а питьевую воду продают в магазинах бутылками.

Я сидел на скамеечке у фонтана и с почтением смотрел на «самовары». Жизнь целого города заключалась в них. К фонтанчику подлетела серенькая птичка, попила живой водицы и храбро бросилась в жару. Теперь она ее не страшила...

«ПОЛУЧЕНА КОЛБАСА НЕФТИ...»

Шалый ветер-пастух выгнал на пастбище бабрашки облаков. Непослушные, они разбредались по небу и на глазах у пастуха исчезали в поднимавшемся мареве. Начинался день, обычный день пустыни, когда жара сгущается до концентрации сиропы, а разбавить его нечем. Машина резко пошла под уклон, будто впадина Карагие (самая глубокая в СССР — на 132 метра ниже уровня моря) хотела поглотить ее. Впадину — этот гигантский котел площадью в десятки квадратных километров — никак не миновать на пути к нефтепромыслам.

Капитан-наставник Изтурган Урузбаев.

Пульт управления опреснителями.

Город Шевченко. Проспект Ленина.

Это дерево посажено великим Кобзарем.

Музей Т. Г. Шевченко.

Встречный ветер обжигал лицо, зной, казалось, шел отовсюду. Не верилось, глядя на выжженные пески, что где-то существуют березовые рощи, ручьи и озера.

— Пустыня все-таки остается пустыней, — задумчиво сказал Геннадий Иванович Шевченко, буровой мастер, Герой Социалистического Труда. — Если бы не асфальт, я бы подумал, что вернулся в шестьдесят пятый — год моего приезда сюда...

Мы вместе ехали в Жетыбай. Там была его буровая и множество других. Там в 1961 году получили первую промышленную нефть Мангышлака. Искали ее долго. Она волновала геологов косвенными признаками своего присутствия, но в руки не давалась. Наконец, в конце 50-х годов полуостров облетела весть: в Тюбеджике одна из скважин дала приток нефти. Однако вскоре восторги сменились разочарованием.

— Да, друзья, чуть-чуть мы припоздали с открытием Тюбеджика, — говорили геологи. — Была тут хорошая нефть... миллион лет назад, но окислилась и состарилась...

— Верно, эту нефть из-под земли уже не достать, — соглашались другие. — Надо искать и снова искать...

Искать — это верно, но где? Бурилась скважина за скважиной, а фонтанов на Мангышлаке все не было.

Полуостров прочертили многочисленные линии геологических маршрутов. Постепенно становилось ясно, что они, эти линии, сходятся в районе Жетыбая и Узеня. Тут со дня на день ждали открытий и не ошиблись. Сначала Жетыбай порадовал мощным фонтаном нефти, затем в Узене нашли и газ и нефть. Наступил черед промышленной разработки месторождений.

— Отец мне рассказывал: трудное время было, — сказал Амантай Губашев, оператор газового промысла. — В Узене появился барак, в котором организовали контору эксплуатационного бурения. Там же по совместительству разместились общежитие, и по утрам вместо зарядки люди выстраивались к бойлеру в очередь за водой. Каждый получал свою порцию на весь день. Некоторые тут же выпивали ее, наиболее волевые расходовали свой запас частями. Находились и «аристократы», пускавшие часть драгоценной влаги на умывание, о чем горько сожалели уже после полудня...

— К тому же без воды невозможно бурение, — продолжил мысль Губашева Шевченко. — К счастью, для этой цели годилась и соленая, но ее тоже приходилось возить цистернами за два — три десятка километров. А вы знаете, что это такое по тогдашнему бездорожью? В пустыне лишь несколько раз можно проехать по одному следу, потом машину начинают засасывать пухляк — тончайшая пыль... С буровой не уходило неделями, жена угрожала: «Ну, что ты потерял тут, давай вернемся в Краснодар». Я отшучивался: как же мы уедем, если в честь нашей фамилии целый город тут строят...

— А если без шуток, что вас удерживало?

— А если без шуток, то и сам не знаю. Вроде бы верно — пески, бездорожье, безводье. Но я заметил, что пустыня только сначала пугает человека. Потом она внушает любопытство и, пожалуй, надежду.

Я видел это своими глазами. Видел прекрасный город Шевченко, атомный опреснитель, превосходные шоссе, ЛЭП, трубопроводы и железные дороги, пересекавшие пустыню, видел шумевшие листвою аллеи деревьев и даже уютные зеленые пригородные дачи. Фантастика — дачи в пустыне. Я видел итог огромного, упорного труда и размышлял о том, что же заставляет человека, терпя трудности и лишения, обживать эту суровую землю. Может быть, деньги? Но как тогда объяснить поступок бурового мастера Турегали Кадырова? Он вез на свою буровую запас продуктов и воды, но машина не выдержала единоборства с пустыней и сломалась. Кадыров знал, что на следующий день по этой же дороге пойдет целый караван машин и его подберут. Но он знал также, что вахта на буровой сидит без питьевой воды вторые сутки. И тогда, взвалив на плечи мешок, он пошел по раскаленным пескам. Он шел много часов подряд, и стоило ему ошибиться на сотню метров, как он прошел бы мимо буровой, и тогда — беспредельность песков. Но Кадыров, зная это, все равно шел. Миражи искушали его свернуть в сторону, к призрачным замкам у холодных озер, но он им не поддавался. Он сажился на песок, закрывал на несколько минут глаза, и перед ним возникала его буровая, лица друзей. Тогда он снова вставал и шел... Он вышел на огни буровой уже в

темноте, когда его перестали ждать. К слову сказать, Турегали Кадыров стал впоследствии одним из первых Героев Социалистического Труда на Мангышлаке. Сейчас он по-прежнему бурит скважины в Узене. Так вот, думал ли он тогда, что получит за свой переход? Честно говоря, самому Кадырову я бы этот вопрос не задал.

Там же, в Узене, на Казахском газоперерабатывающем заводе работает начальником установки Серикбай Саулебаев. Заметив однажды утечку газа, он бросился к опасному месту, чтобы перекрыть задвижку, хотя по инструкции должен был объявить тревогу и отойти на безопасное расстояние. Какими деньгами измерить его порыв?

«Одолевать пустыню тяжело, особенно когда человек думает, что он одолевает ее ради своего месячного оклада, — говорил один из героев Паустовского в повести «Кара-Бугаз». — Необходимо понять, что ваша работа в пустыне — дело славы, дело высокого племени новых людей, — а это ведь так и на самом деле, — и тяжесть с вас слетит, как пот после купанья в море. Отсюда вывод: никогда не упускайте из виду далеких горизонтов. Помните, что скуют только близорукость. Давайте волю своему воображению. Сила его необычайна. Воспитайте в себе чувство времени и чувство будущего. Овладейте этими двумя ценностями — это уже страшно много...»

Чувство будущего... Им живет весь Мангышлак. Здесь в соответствии с решениями XXV съезда КПСС будет продолжено развитие мощного территориально-производственного комплекса. Полуостров богат различными полезными ископаемыми: бурым углем, медью, железными рудами, кобальтом, марганцем, фосфоритами. И на основе нефти и газа строится в Шевченко крупнейший завод пластмасс.

Все чаще по сторонам дороги встречались буровые вышки. Недавно прошедший дождь (чрезвычайная редкость в этих местах) выск в песках искорки колючей травы, похожей на зеленых ежей. Внезапно я увидел странное сооружение, напоминавшее паровоз. Но как он сюда попал, что вез, почему здесь застрял?

— Какой же это паровоз? — засмеялся Амантай Губашев. — Это всего-навсего газовая печь для подогрева трубопровода с нефтью...

Я уже слышал о необычных свойствах мангышлякской нефти. Она типичная южанка и, если можно так выразиться, «замерзает», загустевает даже при плюсе тридцати. Столь капризный характер сообщил ей парафин, которого в здешней нефти содержится иногда до тридцати процентов. Это он, застывая даже на жаре, вызывает своеобразный тромбоз нефтепроводов — закупоривает трубы пробками. Буровой мастер на Карамандыбасе, впервые увидев, как буквально выползает из трубы и тут же застывает струя нефти, оставил потомкам в вахтенном журнале удивительную запись: «Получена колбаса нефти...» Теперь, если буровика спрашивают, куда он направляется, и слышат в ответ шутку — «колбасу получать», то знают, что тот едет на вахту. Но шутки шутками, а как все-таки бороться с этим злом? Традиционный метод — смешивать нефть перед транспортировкой с водой — здесь не годился. Воды в пустыне попросту не было. Тогда инженер Рахмет Утешинов предложил простой и эффективный способ — подогревать нефть с помощью газовых печей. Может быть, это и не кардинальное решение проблемы, но много пока нет. Сейчас его упорно ищут и ученые и практики...

Жетыбай возник на горизонте, словно мираж. Он напоминал уменьшенную копию Шевченко. Мы свернули в сторону, асфальт кончился, и через минуту я в полной мере ощутил, что такое пухляк. Тонкая пыль пробивалась даже в микроскопические щели, машина плыла в сплошном белом облаке, стало трудно дышать.

На буровой Геннадий Иванович сразу оказался в окружении геофизиков. Они закончили испытание скважины, и это означало, что пора спускать колонну. Это означало, что опять Шевченко субботу и воскресенье проведет на буровой. Это означало, что через несколько дней из недр Мангышлака ударит еще один нефтяной фонтан...

* * *

Раньше мне казалось, что нет ничего более вечного, чем пустыня и море. Мангышлак перепутал все понятия. Я ходил по дну древнего моря, ставшего пустыней. И я ходил по пустыне, ставшей садом. Фантастика! С самолетной высоты мне казалось, что пески неумолимо наступают на город. Но теперь я знал, что все обстоит как раз наоборот — это город теснит пустыню. Да, ты перепутал все устоявшиеся понятия, Мангышлак. И спасибо тебе за это!

«Д

дорогой Юзеф! Я много раз собирался написать тебе, но все не было времени — много работы в Питере и Москве, мотаюсь туда и сюда челноком. Пора горячая, проходят выборы на «ужин», проходят весьма оживленно, если не сказать, горячо: судя по сообщениям, поступающим из Польши, ты в курсе наших русских дел, расхождения между б. и м. не стихают, а, наоборот, по мере развития революционного процесса нарастают все больше.

«Ротмистр» и «Гриша» рассказывали мне, что ты стоишь на стороне наших «б», то есть на стороне Вл. Ил. Позволь мне быть с тобою совершенно откровенным,

за порядок в деревне, ты отвечаешь за землю, которую выделят, ты должен принимать решения в муниципалитете и землю эту защищать по закону». Разве это не путь? Разве это не есть укрепление позиций соц.-дем. в деревне?

А по поводу Думы? Вл. Ил. предлагает активный бойкот. А мы считаем необходимым превратить Думу в трибуну социал-демократии.

Возьми вопрос о Василии Васильевиче. Юзеф, дорогой мой друг, я знаю твою горячую душу, может быть, тебе горько будет согласиться со мной, но разве Гр. Вал. не был прав, когда считал, что выступать в Москве не надо было? Сколько жертв, Юзеф, сколько товарищей в тюрьмах! Почему мы были разгромлены? Потому что еще не настало время: в политических решениях — особенно такого значения — лучше опоздать, чем переторопиться. Гр. Вал. прекрасно написал об этом в «Рождественской открытке».

Юзеф, все мы знаем твою роль в СДКПиЛ. От тебя зависит, куда ты поведешь комитеты партии в Варшаве, Лодзи, Петрокове, в Домбровском бассейне. Польские пролетарии — партийцы, объединенные с русскими товарищами, членами РСДРП, огромная сила. Ты бы очень помог нам наставить на ум Вл. Ил. и его друзей — он наверняка посчитается с позицией партии, целой партии польских с.-д.

жение таким, какое оно есть, а не которое желалось бы.

Ты пишешь, что Гр. Вал. хочет приучить мужика к тому, чтобы тот через муниципалитет отвечал за порядок в деревне, за землю. А разве у мужика есть земля? Аграрный вопрос смыкается с вопросом о Думе. Кто пройдет в Думу? Помещики. Богатые крестьяне. То есть Дума будет кадетской. И ты полагаешь, что кадеты так легко и просто отдадут помещику землю мужику?

Вся Польская социал-демократия против Думы, все стоят за активный бойкот. Почему? Да потому, что Дума, которая вырвана борьбой рабочего класса, кровью фабричных, для них закрыта. Представь себе, что СДКПиЛ выдвинет своего депутата, и допустим, им стану я, Миша. Что случится дальше? Я буду арестован. Разве нет? А Варшавский? Он ведь тоже гос. преступник. Ты можешь допустить мысль, что в Думу пройдет Вл. Ил.? Неужели туда бы пустили Ивана, Збышка, Дмитрия, Левана, Гиршла? И ты предлагаешь голосовать, то есть поддерживать, такого рода дискриминационную Думу? Пусть она заявит себя — тогда посмотрим. Согласен с тобою — переторопиться тут нечего.

Ты повторяешь за Гр. Вал., что Василий Васильевич пришел преждевременно. Это ошибка, Миша, и эта твоя ошибка смыкается со словами о том, что я могу «вернуть» партию. Разве можно вывести на

Товарищи

Юзеф. Меня связывает с тобою не только наша общая печаль по безвременно ушедшей Юленьке, меня связывает с тобой и то, что ты был первым, кто привел меня в рабочий кружок, кто приобщил меня к сверкающему богатству ума социал-демократии. Я никогда не забуду твою листовку, детскую еще, которую ты написал в годовщину смерти нашего незабвенного учителя Фридриха Энгельса — сколько в ней было мыслей, как она была открыта и глубока! Но если бы Юленька не умерла и ты стал ее мужем, а моим — тут уж я боюсь напутать, не силен в высчитывании родственных степеней — шурином или зятем, в нашей семье произошел бы раскол такой же, как в нашей организации. Постарайся меня понять, дорогой Юзеф; я знаю наши петербургские и московские условия лучше, чем ты, я варюсь в нашем «парт.соку» и могу судить о происходящем не со стороны, а изнутри.

Почему же наши расхождения столь принципиальны?

Во-первых, потому, что Вл. Ил. резко повернул в крестьянском вопросе, «обогнав» всех, даже эсеров, которые всегда у нас кричали о «крестьянском бунте», и выдвинул лозунг эсеров «земля и воля! Он, правда, добавил, что «земля и воля» это слова, абстракция, что воли не будет без социальной революции, а только она и может дать землю, но что и земля ничего не значит, покуда у мужика нет плуга и зерна для посевов. Он, конечно, привлек этим лозунгом значительную массу рабочих, все еще связанных с селом. Но теперь он стал наставлять на повсеместной национализации земли, а это уж не лезет ни в какие ворота! В то же время план Гр. Вал. разумен и точен. Он полагает, что надо постепенно приучать мужика к мысли: «Ты отвечаешь

Л. М. и Ф. Д. — ты их должен помнить по Женеве — шлют тебе приветы. Да, забыл сказать: Лева взял теперь себе новый псевдоним — ты этого, верно, не знаешь еще. Нас теперь Гр. Вал. шутливо называет «братья Л. А.». Лева нашел фотографию Юленьки, где мы сняты втроем: Юленька, Лева и я. Такой у тебя нет. Подарю на «ужине». Был бы очень рад твоей весточке: во-первых, дошло ли это письмо, во-вторых, согласен ли с моими доводами и, в-третьих, можем ли надеяться на твою поддержку?

С товарищеским приветом
Михаил.

«Дорогой Миша!

Письмо твое вручил мне славный парень, Яцек; он сказал, что ему передал в Белостоке «Николай». Так что, видимо, связь работает хорошо.

Миша, я должен ответить тебе определенно, без всякой дипломатии: ты ведь знаешь, я не умею разводить «цирлих-манирлих» и все, что думаю, выкладываю открыто, может быть, резко, но худо, коли бы мы в отношениях друг с другом вели себя иначе.

Ты говоришь, что я могу «вернуть» партию. Это глубокое заблуждение. Партию «поворачивает» Луи Наполеон или Кромвель; в наше время, в нашей партии никто никого «вернуть» не может. Партия сама определяет движение, и эта устремленность складывается из открыто выраженного коллективного мнения ее членов, — только так и никак иначе. Общее настроение СДКПиЛ — ты прав — близко к позиции «б», к той части РСДРП, которая разделяет политическую платформу Вл. Ил. Как же я могу «вернуть» наших товарищей, если они единодушны в поддержке Вл. Ил.?

Ты говоришь, что товарищи из «м» стоят на точке зрения реальной, исследуют поло-

род на баррикады, если он не хочет этого? Разве можно начать борьбу, если в стране царит мир и спокойствие? Не идти на восстание значило опорочить себя в глазах класса, наивно уповать на отсутствующий парламентаризм, значило заявить себя хвостистами. Да, жертвы велики. Они были велики и у нас в Лодзи и Варшаве. Но разве мы не знали, на что шли? Разве память о погибших не запала навсегда в память народа? А память — категория поразительная, Миша. Что ни делали в Париже, дабы память о Марате и Робеспьере исчезла! Сколько было предпринято попыток представить их кровавыми убийцами, слепыми фанатиками, инквизиторами от революции? Те, кто пытался уничтожить их память — забыты, а Марат и Робеспьер в наших сердцах. Сколько приложил усилий Николай Палкин, чтобы вытравить память о Пестеле и Рылеве, о героях Сенатской площади! Как пытались заставить нас забыть Костюшку, Ульянова, Перовскую, Кибальчича! Нет, Миша, память — взрывоопасна, это страшнее бомбы, ибо это — на века.

Ты и Лева дороги мне, как братья любимой моей Юленьки. Но уж так я устроен, что личное отходит на второй план перед общим. Поэтому мне будет горько, если вы останетесь на своей позиции и не согласитесь с мнением большинства рабочего класса.

Я испытываю глубочайшее уважение и к Гр. Вал. и к П. Б., они были зачинателями того учения, солдатами которого мы являемся. Я был у Гр. Вал. в Женеве и навсегда запомню его блестящий ум, остроту, знание. Я никогда еще не видел Вл. Ил. Так что я не имею никаких личных причин к нему тяготеть. Я к нему тяготеем лишь потому, что он выражает мнение громадного большинства.

Спасибо Лева за фотографию. Я собираю

все, что могу, о Юленьке. Недавно был в Вильне на «вернисаже», ходил полночи по нашим с нею местам. Чем дальше, тем горше и безысходнее я чувствую ее отсутствие подле нас всех.

Передай привет М. и Д.

Поклонись Леве.

Не сердись.

С товарищеским приветом Юзеф».

«Милостивый Государь Эммануил Иванович! Посылаю Вам перлюстрацию переписки между одним из ведущих руководителей СДКПил Ф. Дзержинским-Доманским («Юзеф») и Михаилом Гольдманом («Либером»), имеющим влияние в кругах Бунды и РСДРП меньшевистского направления. Перлюстрация переписки, полученная агентурным путем, лишний раз свидетельствует, что поляки готовы к объединению с большинством РСДРП.

Смею заметить, милостивый государь Эммануил Иванович, что эта новость чрезвычайно тревожна, ибо служит подкреплением позиции Ленина, который добивается объединения всех социал-демократических сил Империи, невзирая на их национальные особенности. Получение Лениным голосов поляков может повлечь съезд в весьма опасное для нас русло большинства.

Посему полагаю бы необходимым приложить максимум усилий к тому, чтобы предпринять любые акции, дабы помешать организационному акту, который имеет далеко идущие последствия. Одним из возможных шагов к этому считаю немедленное заарестование Дзержинского, о чем мною отдано соответствующее распоряжение Варшавскому охранному отделению.

Прилагаю расшифровку открытых псевдонимов и терминов:

Гр. Вал.— Г. В. Плеханов.

«Ужин» — предстоящий съезд РСДРП.

«б» и «м» — большевики и меньшевики.

«Рождественская открытка» — нелегальная типография меньшевиков, расположенная на Рождественской, в д. 7. По соображениям ОПЕРАЦИИ ликвидировать в настоящее время нецелесообразно.

Вл. Ил.— Н. Ленин.

Василий Васильевич — вооруженное восстание. Ю. М.— Юлий Мартов (Цедербаум), с.-дем., имеющий вес в РСДРП, фракция меньшинства.

Ф. Д.— Федор Гурвич (Дан), с.-дем., имеющий вес в РСДРП, фракция меньшинства.

«брат Лева» — Лев Гольдман (Акимский) — с.-д., имеющий вес в Бунде и среди меньшевистских кругов.

Юлия — Ю. Гольдман, невеста Дзержинского, которая умерла в Женеве от чахотки в 1904 г., родная сестра «Либер» и «Акимского».

«Николай» — неустановленный курьер РСДРП.

«Яцен» — состоит секретным сотрудником Варшавского охранного отделения.

«Вернисаж» — заседание Виленского Комитета СДКПил, состоявшееся, по сведениям агентуры, 16.1.1906 г.

П. Б.— П. Б. Аксельрод, второй после Плеханова по стажу пребывания в с.-дем. движении.

С истинным почтением, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Полковник
Г. Глазов».

10

Заседание Варшавского комитета СДКПил затянулось допоздна: все, как один, высказались за присоединение партии к РСДРП; единогласно утвердили план выступлений «Червоного штандара» в связи с предстоящим съездом русских социал-демократов; все, как один, проголосовали против встречи Дзержинского с полковником Поповым, считая, что секретарь партии не имеет права рисковать жизнью. Несмотря на протест Дзержинского, непосредственная встреча была поручена Мечиславу Лежинскому, зарекомендовавшему себя по работе в Берлине, когда он два года назад сыграл главную роль в разоблачении заведывающего агентурой охранки Аркадия Михайловича Гартинга. Впрочем, подготовка операции, как тогда в Берлине, так и сейчас была поручена Дзержинскому.

Ночевать Дзержинский ушел на квартиру, где жил Мечислав: маленькая, тихая Дольна вела к садам, разбросавшимся по берегу Вислы. Пахло весной. Грачи прилетели в начале февраля, кричали ликующе, хотя небо еще было снежное, серое, низкое.

План обговорили до мельчайших подробностей, несколько раз проверили всяческие вероятности; словно актеры, менялись ролями, пытались представить образ Попова наиболее приближенным к оригиналу; признавались себе, что мешает ненависть — хотелось видеть его гаже и глупей, чем он был, сердились, начинали игру снова, добиваясь логического правдоподобия.

— У нас ничего не выйдет, — раздраженно сказал Лежинский. — Напрасно мы игра-

ем Попова. Я то и дело упираюсь в свои ощущения, когда думаю о нем, и переступить их не могу.

— Мы с тобой сейчас играем, а игра, то есть комбинация, без теории невозможна, особенно после опытов Станиславского. Поэтому мы сейчас должны выверить каждое слово, жест, каждую интонацию. Ты считаешь, что после твоих слов Попов поднимется и позовет одного из шпииков, которые постоянно дежурят в театре, а я убежден — нет, не поднимется и не позовет, потому что, пока тебя будут тащить к выходу, пока станут вызывать пролетку с городовыми, ты станешь кричать — за что тебя задержали. А ведь это скандал! Скандал, в котором замешан он, Попов, и коли ты назовешь адрес его конспиративной квартиры, где он женщин принимает, это не вытравивши, об этом сразу же станет известно в губернаторском Бельведере, а сие — конец карьеры: громкого они своим не прощают, они по-тихому живут...

— У Попова есть иной путь... Не думай, что я боюсь, просто для него это легчайший выход: достать браунинг и выпустить в меня обойму: фотографий-то мои в полиции есть. А для него это выполненный долг — убил революционера-бомбиста.

— Разумный допуск, но ведь коли он вздумает достать браунинг, в него пустят ответную пулю из зала; пустят люди, которые наблюдают за вашим разговором. Это — во-первых. Во-вторых, будет доказано, что он покушался на невооруженного человека. В-третьих, ты скажешь ему, что твои товарищи заявят прокурору, который будет вызван в кабаре, что он, Попов, передал нам служебные бумаги, и будут названы номера этих бумаг, входящие номера, и номера эти истинны, но документов в архиве охраны нет, они у нас...

— А если...

— Что?

— Нет, ерунда...

— Так нельзя, Мечислав, так нельзя, родной! Или не начинай, а уж коль начал — заканчивай.

— Понимаешь, Юзеф, мне кажется, что все-таки разумнее говорить с ним на квартире или на его явке, на Звезденской.

— Ни в коем случае. С ним нельзя говорить один на один. Там он всесилен, там он может — ты прав — пристрелить. Только под взглядами сотен людей, только в кабаре, только после выступления Стефании...

— До.

— Нет, именно после.

— Почему?

— Потому что, будучи человеком духовно бедным, то есть лишенным поэтического дара, Попов тем не менее по-своему переживает разрыв с Микульской... Переживает, Мечислав, переживает, уверяю тебя, не следует считать врагов существами, лишенными сердца и чувства. Генерал жандармерии Утгоф тайно встречается с Владимиром, сыном, которого ты прекрасно знаешь, и рыдает, горячими слезами рыдает, молит бросить эсеров и вернуться домой. Так вот, до выступления Стефании Попов наверняка будет напряжен, нервен, подобран, а после — расслабится, воспоминаниям предастся, будет думать о том, как вернуть прошлое, будет, Мечислав, обязательно будет — не зря же он на каждое ее представление ездит и цветы посылает. А здесь ты с нашим предложением. Отказ, понятное дело, означает скандал, а ведь он Стефании добился не умом своим, не красой, а именно карьерой, своими возможностями. После ее выступления он станет особо шкурно о себе думать, особо жалостливо — как-никак пятьдесят семь лет, последняя женщина, седина в голову, бес в ребро. До ее номера он будет так напряжен, что осмысленной реакции ждать трудно, я, во всяком случае, не берусь представить себе, он может поступить наперекор логике.

— Чем ты станешь заниматься после победы революции? — задумчиво спросил Лежинский.

— Народным просвещением, — как о само собою разумеющемся ответил Дзержинский.

— Я заметил, Юзеф, — чем труднее нам

было, тем большим ты был практиком. Когда дело пошло к победе, ты потянулся в теорию...

— А это закономерно. Нельзя считать, что новое общество будет новым только в практике распределения общественного продукта. Необходимо думать о новой морали, о новых отношениях между людьми.

Дзержинский посмотрел на ходики: было уже три часа утра. Рассвет еще не наступил, но он угадывался в том, как над Вислой поднимался медленный белый туман. Он клубился, вырастал странными грозными видениями, поднимаясь все выше и выше в темное, беззвездное небо.

— Знаешь, чем страшна обыденность? — спросил вдруг Дзержинский.

— Обыденность, — ответил Лежинский.

— Софизм. Обыденность страшна тем, что она умеет самое высокое и чистое обрабатывать себе на пользу.

— Почему ты об этом?

— Не знаю... Видишь, как играет туман, как он красив и загадочен. Но — подчинен логике бытия, исчезнет, растворится, будет утром хмарью, кашляющей, чахоточной хмарью. Давай спать, бомбист, у тебя завтра тяжелый день...

В театре Дзержинский обычно ощущал приподнятость и благодарность за то чудо, которое разыгрывалось на сцене. И он благодарил: подходил к рампе и аплодировал до той поры, пока рядом стояли люди, чаще всего восторженная молодежь. Дзержинский остро ненавидел людей партера, когда те, похлопав раза три, сановно отправлялись к гардеробу, переговариваясь между собою о предстоящем ужине, погоде или завтрашних делах. Более всего Дзержинский не терпел в людях неблагодарности.

Не мог Дзержинский спокойно говорить и со снисходительными ценителями. Год назад он прочитал чеховского «Иванова», а после оказался в обществе людей, близких к театру, которые пописывали в газеты, выступая с обзорами премьер.

Петербургский гость — из ниспровергателей, либерал, — то и дело закрывая глаза, вещал:

— Сколько же можно болтать про Чехова, право?! Как долго будут придумывать этого господина?! Он же поведенный беса, он слабоволен, испуган, он сам не знает, как ему управиться с Ивановым! А тот уверяет нас, что любовь — это чистая физиология, а в поиске истины нет смысла. Но мы-то знаем: Иванов будет кушать, пить и получать деньги, пока ест, пьет и подсчитывает гонорары сам Чехов. А в заключение Иванов нервически застрелился у нас на глазах — так обычно поступают беспородные. Акт его самоубийства вымучен, просто Чехову надо было кончить сочинение, а ныне без смерти не кончают, эффекта нет. Кому нужен Иванов? Рыдающие сестры? Пьяные мужики из оврага? Дядя Ваня? Что Чехов тщится доказать нам? Что жизнь — дерьмо? Мы и без него это знаем, но орать-то зачем?! И стреляться не надо. Помалкивать следует, коли сидим в навозе, помалкивать, а не каркать!

Дзержинский тогда спросил — не удержался:

— Отчего злитесь?

— Я? — Петербургская штучка удивленно оглядел собравшихся. — Было б на что, милостивый государь...

— Есть на что, — ответил Дзержинский. — Маленькое всегда ненавидит большое.

Софья Тшедеца, член Варшавского комитета, поднесла к глазам бинокль — это был знак.

Дзержинский сразу же оглянулся: Попов вошел в ложу, сел в угол, спрятавшись за портьеру.

Винценты поднял руку, в которой был зажат платок, начал обмахиваться.

Федор Петров, сидевший в бельэтаже вместе с тремя товарищами из боевой группы, поглядел на ложу осветителей. Именно здесь затаились Ян и Трофим Пилипченко — держали Попова на мушке.

Мечислав чуть склонил голову — все понял, готов.

...Стефания Микульска вышла в форме гусара, промаршировала по авансцене, показывая себя, а потом остановилась и, озорно подмигнув залу, запела, размахивая в такт музыке шпагой:

— Солдат воевал, хорошо воевал!
Города занимал,
Женщин любил,
Врагов убивал
И стал солдат — капрал!
Капрал воевал, хорошо воевал,
Чужих разогнал,
Своих напугал,
Ну просто капрал — генерал!
Время прошло, победа — ура!
Пора по домам,
На отдых...

Стефания хотела было легко опустить шпагу в ножны, но шпага в ножны никак не лезла. Актриса начала прекрасную, злую пантомиму про то, как трудно спрятать оружие, коли солдат так «хорошо» навоевался. Она мучилась с неподдающейся шпагой до того уморительно, так жаль было «победителя-гусара», что зал покатывался со смеху.

Попов портьерку отодвинул, подался вперед, аплодировал так, чтобы Микульска могла заметить. Она заметила — ее попросила об этом Хеленка Зворыкина: той эту просьбу специально сегодня передали.

Софья Тшедецка напряженно ждала этого мгновения, она глаз с Попова не сводила: лицо жандарма дрогнуло, растеклось улыбкой.

Софья поднесла бинокль к глазам и стала его прилаживать.

Мечислав поднялся — место его было крайним, пошел к выходу, легко выскользнул, освещенный на долю секунды тревожным синим светом.

Потом, тоже на долю секунды, ложу Попова прорезал острый луч света — Мечислав сел на стул рядом с полковником и шепнул:

— Игорь Васильевич...
Микульску тем временем сменил Рымша — любимец Варшавы, автор куплетов. Попов обернулся к Лежинскому:
— С кем имею честь?
Лежинский достал из кармана фотокопии рапортов, протянул их полковнику:
— Ваши?
Тот, заставив себя зевнуть, спросил:
— Оружие при себе? Документы? Отдайте добром — тогда я гарантирую вам жизнь.

— Оружия нет. Я рассчитываю на ваше благоразумие — в зале друзья. Если полезете за револьвером — пристрелят, вы на мушке. Скандал начнете — подлинники рапортов завтра же будут опубликованы у Бурцева... Станете говорить добром?

— На что замахиваетесь?
— Замахиваются на лошадей. Если мы опубликуем рапорты ваших шпионов, карьере конец — вы это понимаете? Изгоем станете, на службу никто не возьмет: бывших бояться, не верят. С вами могут иметь дело до той поры, пока вы есть вы. А вы пока не просто Попов — вы полковник Попов. Держите. Это копии. Подлинники может передать мой коллега. Сейчас. Здесь же.

— Откуда у вас эти фальшивки?
— Не надо, полковник. Это не фальшивки. И мы взамен не многого просим...

— Чего ж вы просите взамен? — спросил Попов, закрыв глаза, — так явственно увиделось ему лицо Стефании.

— Вы позвоните сейчас в тюрьму и скажете, чтобы поручику Розину, по вашему предписанию, передали Казимежа Грушовского — для допроса.

— Кто такой Грушовский?
— Мальчик, который харкает кровью после избиений...

— Он идет по делу социал-демократов?

— Кажется...

— Вы понимаете, надеюсь, что вашему поручику Розину я никакого арестанта не передаю?

— Логично мыслите. Я тоже этого не допускаю.

— Вы кто?

— Я нанят, полковник. Мне платят за работу.

— Не лгите.

— Я рад, что мы с вами трезво мыслим. У меня приготовлено прошение матери Казимежа и заключение врача: юноша нуждается в немедленной врачебной консультации и помощи. В прошении сказано, что консультация у профессора Вострякова в клинике младенца Иисуса имеет быть сегодня, с восьми до девяти. Сейчас без двадцати восемь. Несчастная мать подстерегла вас в театре. После манифеста вам надо быть добрыми и снисходительными — даже к арестованным бунтовщикам. Так ведь? Словом, вы согласны удовлетворить прошение?

— Где подлинники?

— Вы их получите, как только тюремное начальство отправит Казимежа в клинику. — Я ведь откажусь, милейший... Зачем вы только пришли ко мне с этим?

— Вы не откажетесь. Вам нельзя этого делать, полковник. Мы ошеломяем вас, обречем на голодное, унижительное состояние. Вспомните судьбу коллежского советника Шарова, вспомните, как он обивает пороги охраны, а ведь его преступление куда как незначительнее вашего. Все шатается, полковник, все шатается, подумайте о себе, о тех, кого любите, о старости своей подумайте, об ужасе ничегонеделанья. У нас выхода нет. У вас их несколько. Можете написать мне письмо, что обещаете Казимежу жизнь, — суда ведь еще не было?

— Вернете документы?

— Копии. Подлинники — после суда.

— Подите прочь.

Лежинский чуть подвинулся к Попову, шепнул доверительно, с усмешкой:

— Только не вздумайте палить в спину. Поглядите, — он кивнул на ложу, где были установлены прожекторы.

Попов увидел двух людей — руки лежат на бархате, прикрыты программками, дурак не поймет, — пистолеты прячут.

— За дверью еще двое, — добавил Лежинский, поднялся, чуть поклонившись, пошел к двери.

— Стойте, — окликнул Попов. — Пусть придет человек с подлинниками.

— И с прошением?

— Хорошо, с прошением, хорошо...

Лежинский провел несколько раз по волосам, словно поправляя прическу.

Попов увидел, как поднялась женщина в партере, пошла к выходу.

Простение было в ридикюле Софьи Тшедецкой. Подлинники рапортов тоже.

Через час Казимежа привезли в клинику. Сонный унтер расположился с двумя жандармами из конвоя возле операционной.

Еще через час была объявлена тревога: в операционной никого не было — ни «профессора», ни братьев милосердия, ни арестанта. Вызванный с квартиры попечитель немедленно потребовал к себе доктора Вострякова, имя которого было указано в прошении матери Казимежа. Пришел старик, который никак не был похож на того «профессора», который принимал арестанта.

К одиннадцати в тюрьму прибыл Попов и приказал посадить на гарнизонную гауптвахту офицера конвоя, а унтера и жандармов отхлестал по щекам:

— Надо было в операционную войти, душни! Кто позволил оставить арестанта без надзора?!

Гневался долго, вытребовал дело Казимежа, пошел вместе с начальником тюрьмы в кабинет:

— Как же так, а, Михал Михалыч?! Времена трудные, приходится считаться со всякой сволочью, но вы-то, вы?! Вас-то, в тюрьме, разве касаются извывы в сферах?

Прибыв в охранку, Попов пригласил к себе начальника особого отдела Сушкова:

— У меня к вам просьба. Один из моих информаторов подсказал занятный адрес: кабаре. Стоило бы посмотреть связи артистов и актрисул. Не всех, но ведущих: Рымшу, Метельского, Микульску, Леопольда. Ероховского не трогайте — сам займусь. Остальных пощупайте. Оттуда могут потянуться нити — я ж не зря к ним зачастил, не зря с актрисулами вечера проводил... Поставьте-ка за ними филеров на неделю, а?

(Попов знал, что Сушков под него копает, собирает крупички. Так принято: обижаться — грех. Пусть в свой дневничок занесет имена, подсказанные им, полковником. Теперь следует о-очень и очень серьезно про алиби думать, в случае, если в оном возникнет необходимость. А с Микульской разберется. Он насладится своим торжеством, когда Сушков соберет материал, он покажет ей «старика», ох, покажет! Но как же она перед унижением своим, перед мукой своею повернется! Она ведь рапорты передала, сволочь, она — больше некому.)

«Петербург, департамент полиции, полковнику Г. В. Глазову.

Милостивый государь Глеб Витальевич! Смею обеспокоить Вас очередным письмом, полагая, что данные, кои я намерен изложить, заслуживают внимания. Возможно, Вы сообразовите высказать ряд советов, которыми я всегда столь дорожил и дорожу.

Анархия, распространившаяся в последнее время с угрожающею силою, весьма активно проявляет себя в мире польского театра. Хотя представители рабочего населения не могут, к счастью, посещать представления из-за высокой стоимости входных билетов, тем не менее определенная часть заражается теми идеями, которые в скрытой, а иногда полускрытой форме высказываются с подмостков варшавских зрелищных учреждений.

Поэтому я счел своевременным начать работу с целью выявить наиболее зловерных деятелей театра, имея к тому же сведения о связях ряда лиц богемы с социал-демократией.

Я думаю, Вы поймете меня, что такого рода работа может быть поручена только вполне подготовленному сотруднику. Данные, поставляемые агентурою, не освещали проблему в полной мере, оттого что лица привлекались со стороны, не знающие тонкостей мира искусств. Поэтому я решил на установление личных связей с рядом ведущих деятелей богемы, среди которых выделяются гг. Рымша, Ваславский, Микульска, Ероховский, Ролль. Понятно, что я не мог предстать в своем официальном должностном соответствии, и поэтому вступил с ними в сношения, как преуспевающий биржевой маклер. При этом я продумал такой поворот, который позволит в случае благоприятного течения задуманной операции открыть себя, выяснив, таким образом, отношение к представителю власти и к возможности установления сотрудничества, либо, наоборот, коли отношение к представителю власти проявится негативное, проверить все связи — нет ли тайного руководства со стороны весьма искусных пропагандистских руководителей СДКПиЛ и ППС.

Еще рано говорить о результатах задуманной мною операции, однако, думается, первые результаты не заставят себя долго ждать. Ежели же, однако, моя затея покажется Вам нецелесообразной, просил бы уведомить меня, милостивый государь, Глеб Витальевич, в любой форме, вплоть до телеграммы.

Вашего Высокоблагородия покорнейший слуга

И. Попов».

Письмо это Попов датировал прошлым воскресеньем, до того еще, как произошла встреча его с Мечиславом Лежинским в ложе кабаре. Ему казалось, что, как некая форма оправдания, письмо это сыграет свою роль, случись скандал. Он не мог еще до конца придумать ответы на все вопросы, которые ему наверняка будут ставить — он думал долго, туго, откладывая ответ на трудный вопрос: пусть отлежится, поспешит — людей насмешит. Копию письма держал в сейфе, часто доставал его, перечитывал, расчленил на вопросы, прикидывал возможные ответы, потом бумажки тщательно сжигал, сидел в долгой задумчивости. Пить стал чаще обычного.

Продолжение следует.

Н. ХРАБРОВА
Фото А. БОЧИНИНА

Это ярмарка... Ярмарка? Конечно, в какой-то мере, потому что тут все, как по Далю: «Большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время». Это действительно торговый съезд и большой привоз товаров. И какой съезд, какие товары!

Вы только послушайте, как приглашают на эту ярмарку:

— Если хотите найти настоящую подкову счастья, немедленно приезжайте к нам на праздник народных кузнецов, тут вы поймете, что праздник искусства и есть счастье,— приглашает Гедре Поджюкайте, заведующая художественным отделом Дворца народного искусства в Вильнюсе.

— Приезжайте к нам на фестиваль хоровых коллективов,— приглашает директор Дворца народного искусства Саламонас Свердиолас,— и вы станете участником большого народного праздника на улицах и площадях, поймете разноречивую речь, подружитесь с людьми из разных республик.

Взгляните на наши фотографии. В Вильнюсе, прямо на белых плитах площади Кутузова, разложены, рассыпаны, раскинуты самые лучшие сокровища Литвы. Не золото, не бриллианты. Просто глина Литвы. Ее деревья и кусты. Самое обыкновенное железо и медь. Впрочем, разве я имею право называть их обыкновенными? Ведь глины коснулись руки мастеров, и она стала кувшинами, вазами и блюдами, которые украсят ваш дом и потом перейдут по наследству в дома ваших детей и внуков. Прутиков ивы тоже коснулись пальцы мастеров, и отныне плетеные корзиночки, хлебницы, шкатулки каждый день будут радовать и удивлять вас. И будут очень дороги вам украшения из простого металла с янтарем. Тканые ковры, скатерти и дорожки внесут в ваш дом добрую теплоту и уют, потому что льняное волокно и нить из грубой овечьей шерсти облаканы талантливыми женскими руками. Вы будете гордиться железными подсвечниками, плетеной занавесью и резными деревянными фигурками из Литвы, потому что в них живет Красота.

Может быть, посетители ярмарки не увезут с собой ни вазы, ни ковра: все ведь не поместишь в дорожный чемодан. Но в памяти можно увезти песню. И простую мелодию на гармонике. И медлительную речь двух молодых мастеров из Дзукки. И вдохновенное лицо дирижера оркестра народных инструментов...

Чем измерить искусство? Свердиолас рисует кружок с расходящимися во все стороны лучами.

— Солнце?

— Да. Но также и схема работы домов народного искусства. Вот этот кружок в центре — наш республиканский Дворец. Тысяча двести лучей — все дома культуры Литвы: сорок четыре районных, остальные зональные и колхозные. Тринадцать тысяч самостоятельных коллективов, в них триста девяносто тысяч участников. Дважды в год на такие ярмарки привозят свои изделия шесть тысяч народных мастеров.

Семья — это кирпичик общества,— продолжает Свердиолас,— триста девяносто тысяч семей Литвы живут искусством.

Далеко, за грозным рубежом войны, остались семья и детство Свердиоласа. Отец был своеобразным человеком — вроде бы городским философом в одном из районов Шяуляя, а мать настолько любила книги, что разрешала детям читать даже за едой. В семье обожали музыку, восхищались поделками резчиков по дереву. Свердиоласы жили атмосферой литовского народного искусства. После гимназии Саламонас собрался идти в консерваторию, но ушел на войну. Сражался артиллеристом, был вывезен по Дороге жизни в госпиталь из блокадного Ленинграда. Потом его пригласили во фронтовой ансамбль.

— Сто выздоравливающих парней пришли в Балахну под Горьким,— тихо вспоминает Свердиолас.— Нас встретили русские женщины, те, кто в тот год получал и получал похоронки. «Бедные вы ребята, мы хоть на своей земле, а у вас и ее нет»,— говорили они, поднося кринки молока.

Ему не забыть тех женщин. Не забыть дни, когда узнал, что фашисты расстреляли его родителей, оставшихся в Литве. Поэтому все снится и снится ему война, и летние грозы кажутся артиллерийским обстрелом. А утро приносит радость. Утром начинается ставшая привычной мирная Дорога жизни: дорога на работу. Это радость вдвойне, ее понимает солдат, сквозь войну пробившийся к любимому делу. Свердиолас все время учился искусству: у Игоря Моисеева, в ансамбле Ионаса Швядаса, в музыкальной школе при консерватории, даже юридический факультет тоже пошел на пользу искусству: помог постичь суть общественной и организационной работы.

— К творчеству стремятся многие,— говорит Свердиолас,— но одного стремления мало.— Поэтому я и не люблю пословицу: «Лучше синица в руки, чем журавль в небо». «Журавль в небо» — лучше. Если ты доволен синицей в руках, то есть удовлетворен достигнутым, тут твоему искусству и конец. Но коль погонишься за журавлем, то есть будешь стремиться к недостижимому и достигать его,— искусству не может быть предела.

Каждый день работы Дворца искусства — ради того, чтобы в каждый коллектив пришел руководитель настоящий художник с высшим образованием.

Пусть лишь несколько человек из сотен тысяч наших самостоятельных артистов станут «звездами», зато все остальные будут жить яркой и интересной жизнью, стремиться к мастерству,— говорит Свердиолас.

Право, приезжайте в Вильнюс на ярмарку искусства. За песнями. За радостью. За журавлем в небе!

Хоть сразу по грибы.

Наиперейший танец.

На ярмарке как на ярмарке.

Искусство для кухни.

Как же без музыки!

Фирменный пломбир.

В мире прекрасного.

МОЙ ВНУК ЙОРГ

Много лет назад, вскоре после войны, в сочинской гостинице «Интурист» на вечер дружбы встретились немецкие и советские коммунисты. Тогда еще само слово «немец» вызывало у советских людей нелюбовь. Я разговорился с Фрицем Заксенвегером из Апольды. Оба мы хлебнули горя в годы войны, я — в боях под Ростовом-на-Дону, он — в подполье. Оба мы увлекались стихами и немало печатались.

— С чего будем начинать? — спросили мы друг у друга и решили начать с молодого поколения: создать песню для немецких пионеров. Заксенвегер написал на немецком, я — на русском. Переводчик сделал подстрочник, и я выбрал лучшие строки из обоих текстов. Володя Афанасьев, молодой учитель пения сочинской школы № 9 имени Н. Островского, где трудился я, на три года поехал работать баянистом в один из санаториев в ГДР. Талантливый парень хорошо ознакомился с немецкими народными мелодиями и написал музыку

к нашему тексту. Первыми исполнителями песни «Мы — дети Тельмана» на русском языке были пионеры школы города Бад-Эльстер. Уже выросли и поженились дети, впервые спевшие эту песню, а она звучит и сейчас. Звучала она на русском языке и по радиостанции «Маяк» в исполнении немецких пионеров:

— Мы, дети Тельмана, по улицам идем,
Мы солнце новое над миром создаем!
Звучит эфир, поет эфир,
Отцы и мы за новый мир!
За мир!

В 1975 году получаю я письмо из Москвы. Почерк незнакомый. Молодой человек обращается ко мне с просьбой разрешить ему называть меня своим вторым дедушкой: «Мой дедушка Фриц Заксенвегер много рассказывал о Вас. Он недавно получил одну из высших наград ГДР. Я люблю своего дедушку, полюбил и Вас». И подпись: «Йорг». Я ответил ему: «Есть у меня пять внуков, будешь шестым внуком!»

Переписываемся мы с Йоргом и сейчас. Недавно он прислал уникальные снимки из жизни Эрнста Тельмана. Эти фотографии были показаны по сочинскому телевидению.

Вот одно из последних писем Йорга:

«Дорогой т. Виноградский! Мой дедушка Фриц Заксенвегер никогда, верно, не думал, что его внук будет учиться в Советском Союзе. Я сейчас студент Московского государственного института международных отношений. Горжусь тем, что имею возможность учиться в стране Великого Октября. Мне здесь очень нравится, чувствую себя, как дома. Много друзей, поэтому никогда не скучаю. Желаю Вам всего хорошего и крепкого здоровья. Крепко жму руку. Ваш внук Йорг». И в письме ни одной ошибки! Молодец, Йорг!

Ф. ВИНОГРАДСКИЙ,
учитель, ветеран 248-го полка бывшей
31-й Сталинградской дивизии

Сочи.

НАЗЫВАЮ СЕБЯ ТИМИРЯЗЕВЦЕМ

Когда в 1953 году меня послали учиться в Советский Союз, я чувствовал себя на седьмом небе. Это было мечтой многих молодых ребят в ГДР, которые с восторгом воспринимали каждое сообщение из страны Ленина.

Один пожилой педагог сказал, провожая нас: «Завидую я вам, ребята. Мы, молодежь двадцатых годов, пешком пошли бы в Москву, лишь бы учиться в стране победившего пролетариата!»

Да, это было огромное счастье! Но волновал один вопрос: как встретят нас в стране, которой Германия принесла столько страданий? С первых шагов, уже в Бресте, мы почувствовали себя среди друзей, хотя поводы для раздумий все же были.

В 1956 году я закончил агрономическую практику в совхозе «Гигант», Ростовской области. Здесь проходили жестокие бои в дни Великой Отечественной войны. Деревня, где я жил, была оккупирована фашистами. Я оказался первым немцем, который после войны приехал в эту деревню. Я почувствовал доверие к нашему народу со стороны советских людей — механизаторов, скотоводов, агрономов, зоотехников. Меня приглашали в семьи. Мы беседовали, и я говорил советским друзьям: «Вы можете на нас положиться!»

С особой благодарностью вспоминаю хозяйку дома, муж которой погиб на войне и которая приняла меня как сына. Это огромное доверие, чувство пролетарского интернационализма и солидарности, с которыми я встретился в годы учебы в СССР, повлияли на мою дальнейшую судьбу, воодушевили меня. Самой высокой наградой и счастьем было, когда советские студенты, ученые или колхозники говорили мне: «Дитер — ты наш человек!»

Я начал заниматься в сентябре 1953 года на отделении защиты растений агрономического факультета в Академии имени Тимирязева. И этот факт — тоже свидетельство интернационализма. В колхозах и совхозах, разоренных войной, остро не хвата-

ло специалистов, и тем не менее ведущие высшие учебные заведения СССР предоставляли места нам, студентам Германской Демократической Республики, чтобы наша родина получила кадры для социалистической перестройки сельского хозяйства.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что во всех отношениях это была современная, на высоком уровне аграрно-научная подготовка, которую и сегодня можно получить не во многих странах. Обучение было организовано образцово. Хорошо продумана система сочетания лекций, практики и семинаров. В Тимирязевке нам посчастливилось слушать лекции выдающихся ученых. Мы изучали труды классиков марксизма-ленинизма, исторический опыт КПСС, документы партии о коммунистическом строительстве в СССР. При этом нам помогали коммунисты: доцент И. Г. Залай, комиссар партизанского соединения в дни Великой Отечественной войны, и доцент Ф. И. Крохалев, который потерял зрение в борьбе с кулачеством. Они для меня — блестящий пример пропагандистов ленинского типа.

Очень много дала мне практика. В то время, когда наша родина делала первые шаги в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, мы увидели промышленное, социалистическое, крупное производство. В совхозе «Гигант», Ростовской области, я не только работал помощником агронома на одном уже тогда высокоспециализированном и полностью механизированном зерновом предприятии, но и смог на основании собственных исследований убедиться, как повлияли на урожайность заложенные по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР лесозащитные полосы.

А через десять дней после начала уборки комбайны уже отправились в Казахстан, где поспел первый урожай на только что освоенных целинных землях. Как нас тогда этот опыт окрылил, как он ценен был для нашей дальнейшей работы на родине!

Научную деятельность я начал на вто-

ром курсе, в студенческом кружке кафедры фитопатологии. Руководитель кафедры академик Михаил Семенович Дунин дал мне тему и помог сделать первые шаги. Я благодарен ему, моему учителю. Он родился в семье бедного крестьянина на Волге, после Октябрьской революции боролся в рядах Красной Армии, а потом окончил Московский университет, основал при массовой газете «Беднота» сельскохозяйственную лабораторию, чтобы привлечь широкие массы практиков к решению актуальных проблем. Он был одним из пионеров исследований вирусов у растений в СССР. За эту работу профессор Дунин получил Государственную премию.

Этот выдающийся, известный за рубежом ученый взялся руководить мной, студентом-второкурсником! Михаил Семенович относился ко мне с отеческой заботой, разговаривал как с коллегой, давая возможность изложить свои аргументы. Я все свободное время проводил тогда в очень скромной лаборатории фитопатологической исследовательской станции при кафедре.

С благодарностью вспоминаю я неоценимую помощь руководителя этой станции доктора З. П. Качаловой. Я собрал обширный материал и был награжден Министерством высшего образования СССР медалью «За лучшую студенческую работу». По предложению М. С. Дунина ученый совет ТСХА решил рассматривать мою дипломную работу как диссертацию. И вот после пятилетнего обучения в СССР я вернулся в ГДР с дипломом и степенью. Этим я обязан моему учителю.

Полученные во время учебы в СССР политические и специальные знания позволяли мне справляться с теми большими задачами, которые ставит наша партия. И я с гордостью называю себя тимирязевцем, понимая: это ко многому обязывает!

ДИТЕР ШПААР
действительный член и член президиума
Академии сельскохозяйственных наук ГДР
Берлин.

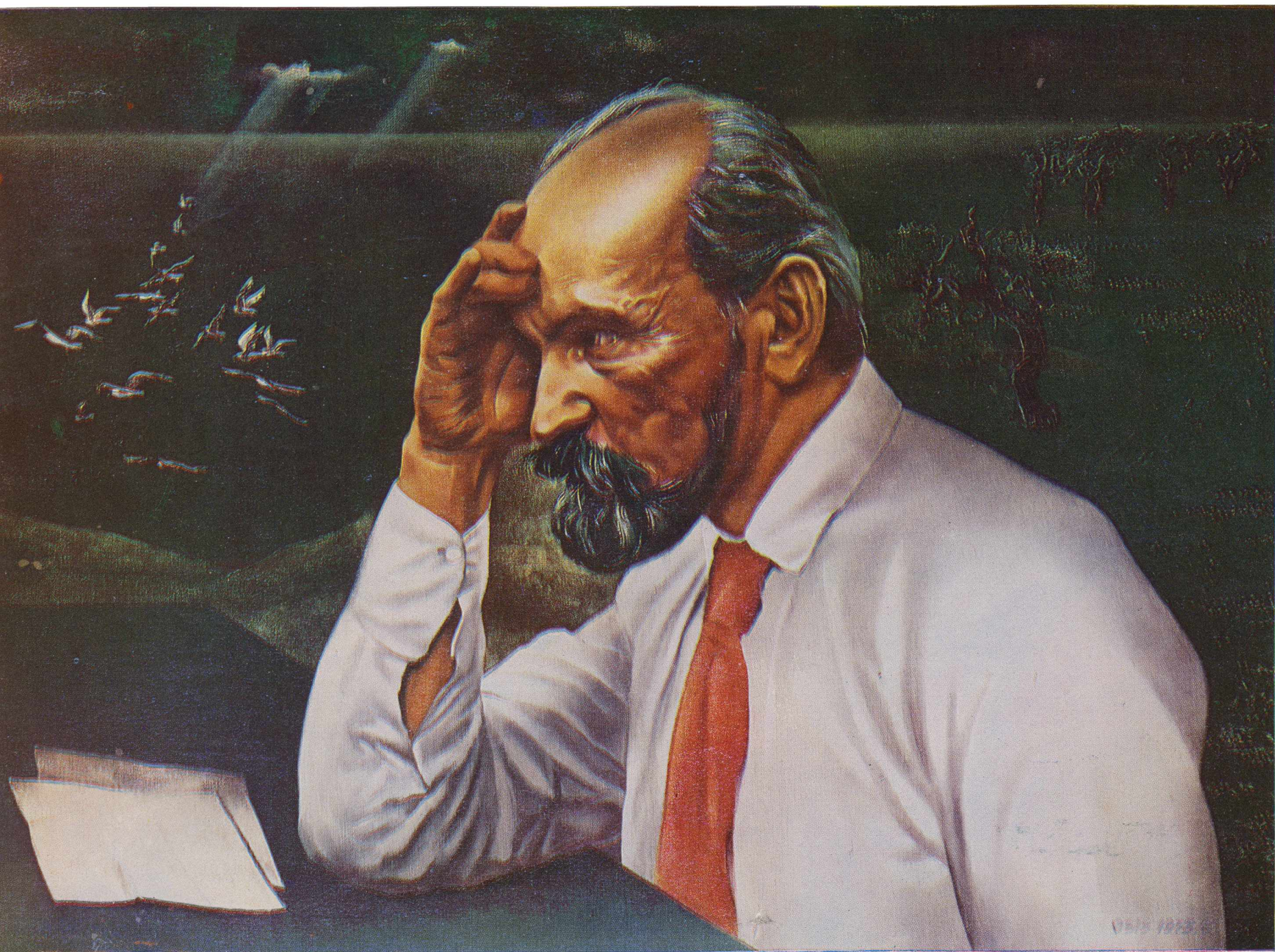

Т. Салахов. Род. 1928. ПОРТРЕТ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА. 1976.

Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

Я. Осип. Род. 1943. РАЙНИС В 1905 ГОДУ. 1975.

Всесоюзная художественная выставка «Советский портрет».

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ

— Начало сезона, как ни повторяется из года в год, событие всегда торжественное и радостное, — говорит в беседе с корреспондентом «Огонька» генеральный директор ГАБТа СССР и Кремлевского Дворца съездов Георгий Александрович ИВАНОВ.

Сбор труппы — этот своеобразный ритуал — в нынешнем году имел особое значение, поскольку в дни своего 200-летнего юбилея театр услышал много добрых пожеланий, интересных предложений, которые надо было реализовать. Поэтому уже прошлый сезон был так богат премьерными: мы показали пять новых оперных и три балетных спектакля.

Летом 1977 года оперная труппа театра выезжала на гастроли в города Урала: Челябинск, Оренбург, Свердловск. Поездка стала своеобразным творческим отчетом перед тружениками этого края. Кроме того, прошлый сезон ознаменован успешной поездкой балетной труппы и оркестра в Париж и на фестиваль в Афины, где наши артисты выступали на сцене древнейшего театра мира.

Эти гастроли еще раз подтвердили высочайший уровень советского балета. Парижские и афинские газеты единодушно восторжались спектаклями Ю. Григоровича.

Новый сезон должен стать особенно насыщенным и разнообразным.

Работа началась капитальным возобновлением в новой музыкально-сценической редакции оперы Вано Мурадели «Октябрь». Уже прошло несколько премьерных спектаклей, и можно сказать, что напряженный и серьезный труд театра увенчался успехом.

Выпуск этой постановки к великой дате 60-летия Октября обязывал всех, начиная от постановщика, главного дирижера театра Ю. И. Симонова, режиссера народного артиста СССР И. М. Туманова, и, конечно, исполнительский состав, куда входят такие ведущие солисты Большого театра, как И. Архипова, А. Эйзен, Т. Милашкина, А. Ведерников, Ю. Мазурок, Е. Нестеренко, а также молодые артисты А. Ломоносов и Л. Ковалева, отнестись к работе с осо-

А. Эйзен в роли В. И. Ленина.

Фото Г. Соловьева

бой ответственностью. Возрожденный и обновленный спектакль вновь зазвучал с кремлевской сцены масштабно и впечатляюще.

Итак, сезон открыт. И открыт произведениями советских композиторов. Это не случайно. Театр неизменно поддерживает творческие контакты с композиторами, работающими над современной темой.

Театр сформировал юбилейную афишу. В нее включены лучшие спектакли советских авторов, произведения отечественной оперной и балетной классики. Разработана программа встреч с трудовыми коллективами фабрик и заводов, колхозов Подмоскovie, с воинами Советской Армии. Они имеют большое значение и для нас, позволяя теснее чувствовать наши связи с народом.

1977 год завершится премьерой оперы Верди «Отелло», которая не была в нашем репертуаре с 1934 года. В декабре же состоится премьера «Коппелии» Л. Делиба. Этим спектаклем мы продолжим работу над постановками для юных зрителей. У нас уже идут «Снежная королева» М. Раухвергера и «Чиполлино» К. Хачатуряна. В работе над балетом «Коппелия» примут участие артисты театра, учащиеся хореографического училища и оркестр студентов Московской консерватории.

Впервые на сцене ГАБТа пойдет опера Моцарта «Так поступают все». Здесь тоже будет занято много молодежи.

Новые балеты на музыку Рамо и Моцарта готовит известный советский танцовщик В. Васильев, в прошлом сезоне выступивший «Икара». Нам предстоит работа над оперой выдающегося венгерского композитора Бартока «Замок герцога Синяя бороды», для постановки которой мы пригласили дирижера Я. Ференчика, режиссера А. Мико и художника Г. Фюрра.

Сезон завершится «Снегурочкой» Римского-Корсакова — жемчужиной русской оперной классики. Премьера намечена на май 1978 года, после чего театр поедет на гастроли в столицу Казахстана Алма-Ату.

гастроли

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — КОМСОМОЛ

«Выдай оружие смелым, и в первую очередь мне»... Восторженно звучат слова песни, ставшей лейтмотивом спектакля М. Светлова «Двадцать лет спустя», идущего на сцене Кировского театра юного зрителя имени Н. Островского. Кировцы сыграли этот спектакль во время своих гастролей в Москве на сцене ТЮЗа, показав москвичам и гостям столицы комсомольцев, ровесников Павки Корчагина, выросших и закалившихся в революционной борьбе. Это они обращаются со сцены к нынешней молодежи, рассказывая, как жили и боролись, жертвовали жизнью именно за них, сегодняшних, за их счастье...

— А что вы делаете для тех, кто придет после вас, двадцать, тридцать, сорок лет спустя?

Высокой заботой о будущем, революционной романтикой проникнута постановка, осуществленная режиссером А. В. Бородиным. Главную свою задачу режиссура видит в том, чтобы раскрыть в актерских работах идею будничной, повседневной героики, не затмевая вместе с тем высокого ее значения.

Увлеченность, верность долгу, молодой задор объединяют людей, вышедших на сцену — славных

подпольщиков. Они все равны. Герой спектакля — Комсомол. Впрочем, это отнюдь не мешает проявлению индивидуальности. У каждого свой характер. Вот, например, фантазер Сашка в исполнении В. Колесникова: его идеал — мушкетеры, но от них он заимствует не экзотику «плаща и шпаги», а умение беззаветно дружить. И разве один Сашка покоряет искренностью, чистотой души, искренностью... Удивительная стойкость и сила духа живут в хрупкой девушке Тосе, которую играет Т. Томашевская. Очень трогательна ее героиня со вздернутым носиком и торчащими носочками... А королева гимназических балов, красавица Валя актрисы Н. Пряник, — и она такой же верный и мужественный товарищ. Да, все они были разными, эти ребята двадцатых годов, но всех их сближала великая цель: строительство новой, доселе неведомой людям жизни...

«Двадцать лет спустя», так же как спектакли «Обман» А. Лиханова и «Письма к другу» А. Лиханова и И. Шура, на сцене ТЮЗа хотели посмотреть многие взрослые зрители. А для малышей кировцы привезли несколько детских постановок, созданных в расчете на самый юный возраст. Лучшей

из них показалась пушкинская «Сказка о царе Салтане». Яркая, сочная сценография, как и весь облик персонажей сказки интерпретированы театром в старинном русском стиле; герои порой напоминают всеми любимую вятскую игрушку.

Мажорно звучит музыка. Основной голос в ней принадлежит исконному народному инструменту на Руси — звонкозвучной балалайке. Прекрасные пушкинские стихи на этом фоне воспринимаются как-то особенно легко и радостно, потому что так именно играют актеры, создавая в зале атмосферу приподнятости и живого соучастия. Царя Салтана Л. Ленц играет в гротескно-сатирической манере, зато сыгранный артистом В. Руллой князь Гвидон добр и обаятелен. О нем, этом актере, мы уже писали; но хочется напомнить блистательно исполненную им роль Николая Островского в «Письмах к другу» А. Лиханова и И. Шура. Этот спектакль в гастрольном показе кировчан пользовался особым успехом.

А. ЗВЯГИНА

Н а с н и м к е: В. Колесников в роли главного героя в спектакле «Обман».

Н

а Сицилии люди не любят, а может быть, боятся произносить слово «мафия» и тем более говорить о том, что за ним скрывается. А скрываются разные грязные дела. Когда в городе Марсале бесследно пропали три девочки, газеты лишь осторожно намекали, что происшествие это — дело рук мафии...

Три девочки — Нинфа Маркеше, ее сестра Вирджиния и их подруга Антонелла Валенти, родители которой уехали на заработки в ФРГ, отправились в школу и не вернулись домой. На четвертый день лихорадочных поисков в недостроенной школе, в нескольких километрах от города, был обнаружен труп Антонеллы. Голова, руки и ноги девочки были обмотаны клейкой лентой. Неизвестный преступник облил девочку бензином, видимо, пытаясь сжечь труп, но пламя, испепелив часть платья, по каким-то причинам погасло...

В течение двадцати дней более тысячи полицейских с собаками и добровольцы искали пропавших двух сестер. Прокурор Чезаре Терранова, которому поручили это чудовищное дело, днями и ночами допрашивал десятки подозреваемых, выслушивал сотни противоречивых, исключающих друг друга показаний. Несколько раз служебные собаки приводили карабинеров к домам некоторых жителей города, и разгневанная толпа была готова устроить самосуд над невинными людьми, самосуд, который мог бы поставить финальную точку на страшном деле. Рим торопил прокурора, но он не соблазнился легким путем. В руках у него было единственное доказательство — клейкая лента, которая использовалась на картонной фабрике в Марсале. Наконец Терранова заявил, что он знает имя убийцы. Вызвав к себе на допрос родного дядю Антонеллы — тридцатилетнего Микеле Винчи, он сказал: «Ты не учел одного обстоятельства. Среди тех, кто пользовался клейкой лентой на фабрике, только один был мужчина. Ты...»

На другой день утром Винчи указал колодец, на двадцатиметровой глубине которого лежали трупы двух сестер. Газеты писали, что «чудовище» из Марсале — ненормальный человек. В это было трудно не поверить. Действительно, кто мог в здравом уме решиться на столь бессмысленное по своей жестокости преступление? Но почему же «сумасшедший» так долго и хитро обманывал следствие? Столь логично сохранил свое алиби? Рыдал на похоронах Антонеллы и каждодневно участвовал в поисках пропавших сестер. «Современная психиатрия не основывается на примитивных схемах определения преступника», — писал в те дни итальянский врач-психиатр Джордано. — За кулисами его действий всегда существует многообразие взаимоотношений с другими людьми и определенные социальные условия, в которых живет общество». Вот именно: условия, в которых живет общество на Сицилии. Винчи категорически отрицал свою причастность к убийству трех девочек. «Да, я их украл, но не убивал», — неизменно твердил он в своих показаниях...

Прошло довольно много времени после ареста Винчи, и вот итальянские газеты вновь застелили сенсациями. «Антонелла была украдена по приказу других», — писала миланская «Джорно». «Новое преступление мафии», сообщила римская «Паззе сера». — Таковы сенсационные заключения, к которым пришел судья Альберто Руссо после 21 месяца расследования дела об убийстве трех маленьких девочек. Вот одно из перехваченных писем, которые Микеле Винчи тайно пересылал своей жене: «...Передай нашим родственникам, что я ничего не скажу полиции. Пускай все думают, что виновен я. Делаю это, чтобы спасти тебя и моих родных. Ты теперь знаешь, что я не пытался сжечь Антонеллу. Я только похитил ее и увез из города. А потом эти негодяи подожгли ее... Надеюсь, что придет день, когда вы узнаете все, всю подноготную».

Итак, очередное дело мафии. Так сказать, «ординарное дело». Видимо, кто-то мстил отцу Антонеллы, мстил руками ее родного дяди, который и в тюрьме подчиняется законам «смерти — круговой поруки». Но сфера деятельности мафии простирается далеко за границы преступного бизнеса или сведения счетов с теми, кто нарушил «законы» преступной организации.

...Взятые сами по себе, события эти не имеют вроде бы никакой логической связи. В конце октября 1962 года неподалеку от Милана погиб в авиационной катастрофе президент государственного нефтеметанового объединения (ЭНИ) Энрико Маттеи. В середине сентября 1970 года в Палермо бесследно исчез редактор сицилийской газеты «Ора» Мауро Де Мауро. В начале мая 1971 года неподалеку от палермского кладбища «Деи капуччини» был

убит генеральный прокурор сицилийской столицы Пьетро Скальоне.

Была ли авария личного самолета Маттеи случайностью или злым умыслом? Куда исчез Де Мауро? Кто убил Скальоне? На все три вопроса вплоть до сегодняшнего дня официальные власти не дали сколько-нибудь вразумительного ответа. Более того, эти печальные происшествия всеми силами пытаются предать забвению, так сказать, «за отсутствием доказательств». А может быть, по другим соображениям? Ведь сицилийский журналист исчез буквально на другой день после того, как имел неосторожность во всеуслышание заявить, что ему известно, кто взорвал самолет Маттеи. Генеральный прокурор был убит через некоторое время после того, как пообещал группе журналистов назвать имена похитителей Де Мауро...

В Италии вышла книга журналиста Риккардо

Почему? Ответ на этот вопрос следует искать в деятельности первого президента ЭНИ.

В свое время объединение ЭНИ, которое возглавил инженер Э. Маттеи, заключило с правительством Ирана соглашение о предоставлении итальянскому государственному объединению концессии на разведку месторождений нефти и газа. Никто не обратил бы особого внимания на эту сделку, если бы не ее условия. Маттеи предложил Ирану не традиционное «фифти-фифти», то есть распределение всех прибылей пополам между страной и концессионером, а более выгодную для развивающихся государств формулу расщепления доходов: 75—25 процентов. В адрес президента ЭНИ посыпались яростные угрозы. Эмиссары семи крупнейших нефтяных западных компаний «попробовали образумить» Маттеи, предложив ему войти в международный неф-

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ МАФИИ

Де Санктиса под названием «Преступление рядом с властью», тираж которой поразительно быстро исчез с полок книжных магазинов. Де Санктис собрал весьма любопытные документальные материалы, касающиеся всех трех загадочных событий. Пишущему эти строки довелось присутствовать на пресс-конференции итальянского журналиста. «Я несколько не сомневаюсь в том, — сказал он, — что преступления, о которых идет речь в моей книге, совершены с участием мафии и американской секретной службы».

Преступная сицилийская организация и ЦРУ? Не слишком ли много? Но не спешите с выводами. В 1944 году американский консул в Палермо Альфред П. Нестер направил в Вашингтон секретное послание, в котором информировал о совещании глав сицилийской мафии (на нем присутствовал и представитель специальных служб США), где обсуждался вопрос борьбы за автономию Сицилии под американским, разумеется, контролем. Этот документ опубликован в книге Де Санктиса. Вряд ли можно сомневаться в его подлинности, как, впрочем, и в том, что однажды установленные американской разведкой отношения с сицилийской мафией не получили своего дальнейшего развития.

Кстати, вокруг Маттеи, особенно когда он бывал на Сицилии, вертелось много подозрительных личностей, в том числе и агентов ЦРУ, и английской Интеллидженс сервис, и французской террористической организации ОАС.

тяной картель. Но ни угрозы, ни посулы не оказали на него влияния.

Маттеи получал анонимные письма, его личный пилот, герой итальянского Сопротивления Бертуцци, однажды предотвратил подстроенную кем-то аварию самолета. Автору книги «Преступление рядом с властью» удалось найти свидетеля, который сообщил ему кое-что, ранее неизвестное. Хозяин бара на аэродроме в Катании, откуда в последний раз поднялся самолет Маттеи, рассказал, что пилот Бертуцци был срочно вызван перед вылетом к телефону, хотя он так и не понял, кто с ним хотел говорить. За это время реактивный самолет президента ЭНИ «осмотрели» трое «техников», которые, как оказалось, не числились в составе персонала аэропорта. Позднее исчез и сам хозяин бара...

Итальянский историк Микаеле Панталеоне, изучая вопрос о связи сицилийской преступной организации с ее американским филиалом, столкнулся с именем одного из ее главарей — неким Марчелло Карлосом. Преступный босс, под контролем которого находятся игорные дома, ночные клубы и другие увеселительные заведения Нового Орлеана, оказался на поверку сицилийцем Калоджеро Минакори, в свое время эмигрировавшим в Соединенные Штаты. Американский сенатор Эстер Кефавер считает его одним из наиболее опасных преступников из «Коза ностра». Правительство США неоднократно пыталось выдворить Малыша (под

этой кличкой он известен среди американского преступного мира) за пределы страны, но безуспешно. У Малыша оказались могущественные заступники в лице боссов крупнейших нефтяных компаний и «людей» из ЦРУ. «У меня есть неоспоримые доказательства», писал Панталеоне, — что Марчелло Карлос в октябре 1962 года принимал участие в секретном совещании американских нефтепромышленников в Тунисе, откуда он срочно вылетел в Мадрид и затем вернулся в Катанию, вернулся за два дня до трагической гибели Энрико Маттеи...

«В августе 1970 года, — читаем мы далее в книге Де Санктиса, — в Палермо прибыл один из представителей американской секретной службы, который был знаком с журналистом де Мауро еще с 1943 года. Агент ЦРУ неоднократно пытался встретиться с итальянским журналистом. Мы не знаем, правда, состоялись эти встречи или нет. Но бесспорным остается факт срочного отъезда американского «гостя» из Палермо 20 сентября 1970 года, то есть через четыре дня после таинственного исчезновения де Мауро...»

Конечно, ни мафия, ни «Коза ностра», ни ЦРУ не оставили своих визитных карточек ни на обломках реактивного самолета президента ЭНИ, ни в редакции газеты «Ора», ни в изрешеченном пулями автомобиле прокурора Скальоне. Но факты, ставшие через печать достоянием самого широкого общественного мнения, не только проливают свет на все три таинственных происшествия, но и связывают их воедино, в один клубок «политической» деятельности мафии, прислуживающей и ЦРУ, и неофашистам, и преступному финансовому бизнесу. Кстати, события совсем недавнего времени чуть было не стоили жизни еще одному журналисту. На сей раз американскому.

— Леонардо да Винчи ди Фьюмичино — центральный аэропорт Вечного города. Римляне прозвали его «золотым», потому что стоил он баснословных денег и был объектом такого жужлиничества, что никакая другая итальянская «панамы» сравниться с этой «стройкой гангстеров» просто не может.

Так или иначе, хорошо или плохо, но аэропорт выполняет свои международные и внутренние функции. Здесь всегда многолюдно. Голос диктора, объявляющий посадку на очередной рейс, тонет в разноязычной гаме. Впрочем, полеты переносятся или отменяются тут довольно редко, особенно летом. Поэтому можно смело доверяться светящемуся табло с указанием номера рейса и времени отправления самолета.

Так и сделал высокий грузный человек, появившийся в один из июльских дней 1973 года в зале ожидания за пятнадцать минут до отлета итальянской «Каравеллы» в направлении Палермо. Поправив массивные роговые очки на мясистом носу, он мельком взглянул на расписание, быстро зарегистрировал у молоденькой синьорины свой билет и направился на посадку. Пассажир мало походил на апеннинского жителя и говорил по-итальянски с заметным английским акцентом. Но мало ли в Вечном городе иностранцев?.. Поэтому не было ничего удивительного в том, что личность этого человека не запомнили ни аэропортовская синьорина, ни полицейский, ни представитель таможни, ни стюардесса самолета Рим—Палермо... Но кто из них мог предположить, что не пройдет и двух с лишним суток, как имя иностранца запестрит на газетных полосах и в сообщениях телеграфных агентств. Делом Бигона займется и итальянская контрразведка, и международная уголовная полиция — Интерпол, и американское Федеральное бюро расследований...

Через полтора летних часа «Каравелла» мягко коснулась бетонной дорожки палермского аэропорта Пунто Раизи. Джек Бигон, собственный корреспондент американской телевизионной и радиовещательной компании Эй-Би-Си, взяв такси в аэропорту, сразу же поехал в отель «Делле Пальме», где у него заранее был забронирован номер. Поднявшись к себе, он заказал виски, лед, содовую воду и четыре бокала. Журналист, вероятно, кого-то ждал, но ждал напрасно. Никто, по уверениям портье, к нему не поднимался. Через несколько часов Бигон уехал из отеля на аэродром. В номере осталась недопитая бутылка и три чистых бокала. В Рим американец вернулся в тот же

день вечером. Об этом заявила его секретарша. Но никто не знает, как провел Бигон субботу и воскресенье. Только в понедельник 23 июля 1973 года римская уголовная полиция начала поиски бесследно исчезнувшего американского журналиста. Беспорядок в его бюро на виа дельи Абруцци вроде бы свидетельствовал о том, что здесь шла борьба. На столе были разбросаны бумаги журналиста, на полу валялись его разбитые очки. Следствие уже в самом начале столкнулось со странным обстоятельством. Стало известно, что Бигон, вернувшись в Рим, срочно заказал утром в субботу еще один билет в Палермо на воскресенье, причем этот билет был кем-то использован. «Кем-то...» Потому что ни в римском аэропорту, ни в самом самолете никто не запомнил весьма представительной и невольно обращающей на себя внимание фигуры американского журналиста.

Куда и почему исчез собственный корреспондент Эй-Би-Си? Стало известно, что ему удалось проникнуть в тайны многомиллиардных финансовых махинаций мафии, то есть в святая святых «джентльменов удачи» из «Онората сочета»¹, в контрабандную торговлю наркотиками, драгоценными камнями, оружием и другие операции, преследуемые законом. Кого журналист поджидал в палермском отеле «Делла Пальме»? В связи с этим всплыло имя международного финансового дельца Микеле Синдона. Головокружительная карьера этого сицилийца, бывшего адвоката, не раз была объектом внимания и светской хроники и солидных биржевых газет. В руках этого нувориша, ныне обосновавшегося в Соединенных Штатах, оказались контрольные пакеты акций ряда американских и итальянских банков, промышленных предприятий и торговых фирм. В начале пятидесятых годов Микеле Синдона купил у Бигона основанную им в 1946 году в Риме полуофициальную газету «Ром дейли америкэн», издававшуюся на английском языке. Видимо, именно тогда схлестнулись пути этих двух людей, один из которых всячески стремился избежать сенсаций, связанных с его подпольной деятельностью, а другой охотился за сенсациями в силу своей журналистской профессии.

Финал (впрочем, финал ли?) «дела» Бигона оказался более чем неожиданным. Американский журналист «нашелся». Он объявился в Риме, заявив, что был украден, а затем «выпущен на свободу». Против него было возбуждено уголовное дело за мистификацию. Считалось, что Бигон организовал историю со своим похищением для рекламы. Следствие по этому странному делу тянулось довольно долго. Наконец было опубликовано постановление римского суда. Вот оно:

«Похищение Бигона людьми мафии сочтено возможным. Действительно, Бигон уже давно интересовался нелегальными операциями с долларами, которые производились этой организацией. Один из тех, кто был заинтересован в переброске валюты из США в Европу, — это сицилиец Микеле Синдона, финансист и акционер многих компаний. Бигон сосредоточил свое внимание на личности Синдоны, считавшегося главным звеном, связывавшим американские и европейские подпольные финансовые группы».

Во время следствия были выяснены два весьма любопытных обстоятельства. Человек, который ожидал Бигона в Палермо, должен был передать американскому журналисту важные документы о грандиозных валютных операциях мафии, одновременно дающие ответ и на то, кто их возглавляет в Италии. Встреча Бигона с этим человеком, который назвал себя Анджелино, произошла не в отеле «Делле Пальме», а в аэропорту. Анджелино запросил за свои бумаги и документы пять тысяч долларов. Бигон сказал, что он должен подумать, и назначил следующую встречу опять же в Палермо через день, то бишь в воскресенье. Но в воскресенье они не встретились. И вообще не встретились никогда. В воскресенье утром Бигона похитили и переправили в Соединенные Штаты. Там его беспрерывно допрашивали, вводили специальные лекарства, чтобы развязать язык, спрашивали, куда он девал документы, полученные от Анджелино...

¹ Дословно «почтенное общество» — так называют мафиози свою бандитскую организацию.

Спустя полгода после несостоявшейся встречи в Палермо Анджелино был убит на одной из улиц Палермо. Человек этот, опознанный позже Бигон, оказался сержантом итальянской полиции по имени Анджело Сорино.

После решения римского суда, признавшего, что Бигон не инсценировал свое похищение, американский журналист дал интервью своим итальянским коллегам Каррадо Инчерти и Паоло Ойетти, которое было опубликовано в еженедельнике «Эуропо»:

— Когда именно вы начали расследование валютных афер мафии?

— Давно. Но три года назад я прочитал, что за один день в Западной Германии был обменен миллиард долларов. Кто мог иметь столько денег для единовременных операций? До 1960 года доходы мафии от игорных домов, проституции, контрабандных товаров и наркотиков хранились в секретных сейфах американских банков. На совещании главнейшей мафии в отеле «Делле Пальме» был найден способ превратить эти доллары в «чистые». Заключался он в следующем: доллары тайно вывозились из Америки и помещались в европейские, а точнее — в швейцарские банки на анонимные текущие счета. В 1969 году бюро по распространению наркотиков получило информацию о лицах, замешанных в сделках между контрабандистами США, Италии и, возможно, других европейских стран. В числе этих лиц опять был назван Микеле Синдона, итальянец, рождения 1920 года, проживавший в Милане по улице Турати и ставший крупным финансистом.

— Удалось ли найти более веские доказательства?

— Одна деталь подтвердила мои предположения. Сам Синдона заявил в Нью-Йорке группе специалистов по проблемам капиталовложений, что если бы Соединенные Штаты не проявляли чрезмерного любопытства к биографиям его клиентов, он мог бы хоть на следующее утро вложить в американские предприятия два миллиарда долларов на очень выгодных условиях. Был момент, когда Швейцария, казалось, была готова разрешить проверить некоторые текущие счета, обозначенные шифром. Поднялась страшная паника, внезапно стали производиться грандиозные валютные операции по обмену долларов на марки, фунты стерлингов, лиры. Центрами этих операций стали Люксембург, Лихтенштейн, Багамские острова — как раз те государства, где есть филиалы организации Синдоны. Часть «очищенных» таким образом долларов вновь стала возвращаться в США. Круг замкнулся. Именно тогда я и направил своей радиокомпани репортаж о Синдоне.

— Между этой передачей и похищением прошел, кажется, ровно год?

— Да. Я продолжал собирать факты, и вот наконец в июле 1973 года мне позвонил Анджелино. Мы встретились и договорились о новом свидании через два дня...

— Но вас похитили?

— Да. Когда в мой кабинет вошли двое, я подумал, что это просто агенты ФБР. Они потребовали у меня «бумаги» и стали все обыскивать. Один нанес мне сильный удар по лицу. Покончив с обыском и перевернув буквально все вверх дном, они велели мне следовать за ними и пригрозили, что в случае неповиновения учинят расправу над моей женой. Они привезли меня в римский аэропорт. Сначала мы полетели в Амстердам, а оттуда — в Чикаго.

— Что было в США?

— Меня беспрерывно допрашивали. В разных городах. Раз шесть или семь мне вводили какие-то лекарства.

— Где именно вас допрашивали?

— Мне приказали молчать. Кроме того, из-за этих лекарств у меня почти все время было помутнение сознания.

— Чем же закончилось ваше американское пребывание?

— Под конец последнего допроса мне велели ехать в Сиэтл, а оттуда лететь в Лондон. А уже вернувшись из Лондона в Италию, узнал, что я обманщик и вообще немного «тронутый» старик. Через полгода я увидел в газетах фотографию Анджелино, убитого в Палермо. Не знаю, убили ли его из-за документов, которыми он действительно располагал. Уверен лишь в том, что и в Америке и в Италии тех, кого мафия берет на мушку, она обязательно отправляет на тот свет. Хотя мне пока повезло...

Так завершилось «дело Бигона». Журналиста уловили из радиотелевизионной компании якобы за компрометацию журналистского имени и за расследование, которое ему никто не поручал. В письме президенту своей компании он писал: «Если поверить тому, что всю эту историю с похищением я придумал, значит, нужно верить и тому, что я идиот. Только идиот, только кандидат в сумасшедший дом мог бы отдать все, что у него есть в жизни, за то, чтобы слетать в Соединенные Штаты и потом, вернувшись, собирать обломки. Мой страховой полис, моя пенсия, моя репутация журналиста, вся моя жизнь и каждый заработанный цент зависят от работы в Эй-Би-Си. Зачем бы мне прийти в голову отказаться от всего — от семьи, от дома, от будущего?»

Пока что Бигон молчит. Но закончилось ли его «дело»?

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Юрий Жуков в соавторстве с Розой Измайловой опубликовали в двух книжках журнала «Знамя» повесть-хронику «Начало города». И хотя авторы назвали свою книгу хроникой, но все, что рассказано в ней о жизни и труде ее героев, отнюдь не только одна лишь, пусть и волнующая, хроника...

Комсомольск-на-Амуре — город, которому суждено было стать символом творческого дерзания строителей новой жизни.

Недавно мне довелось перелистать пожелтевшие от времени страницы газеты «Комсомолец Украины». В ней Юрий Жуков в начале первой пятилетки впервые заявил о себе как талантливый журналист-первопроходец. Очерки и небольшие заметки Юрия Жукова на страницах комсомольских газет были примечательны многими яркими деталями, собственными характеру нашей молодежи, не знающей слова «невозможно», живущей светлыми коммунистическими идеалами и умеющей в напряженных днях настоящего увидеть лик прекрасного будущего. Наблюдать своих героев в действии, распознать в обыденном высокий порыв мечты стало в растущем мастерстве писателя-публициста верным ориентиром, которого он всегда придерживался. К слову, в июле нынешнего года исполнилось пятьдесят лет журналистской работы Юрия Жукова. Впервые он выступил на страницах «Луганской правды» 27 июля 1927 года.

Я останавливаюсь на этих фактах, ибо без них трудно понять и объяснить, почему Юрий Жуков спустя много лет возвращается к событиям прошлого. Почему он, литератор, живущий тревогами и дерзаниями дней наших, отдал столько времени поиску и утверждению этого поиска в сознании читателей молодого поколения?

Город, построенный на берегах Амура, свидетельствует о том, что комсомольцы, вся молодежь нашей Родины умели и умеют не только мечтать, не только самоотверженно трудиться, но и ясно видеть цель, понимать всю свою ответственность перед обществом. Вчитываясь в каждый эпизод, связанный с созданием Комсомольска, ощущаешь подлинный героизм молодых энтузиастов и их руководителей, убежденных в победе нашего дела коммунистов.

Для юношей и девушек, прибывших, так сказать, на «голое место», стал добрым примером Кузьма Кузнецов, член партии с 1917 года. У него учились, к его слову прислушивались, с ним советовались, к нему шли с горькими раздумьями и уходили, унося в сердце заряд непоколебимой веры в свои силы.

В повести правдиво показаны люди в нелегком труде, в буднях, наполненных тревогами. Осознанность была источником силы, позволившей преодолеть сложности,

о которых очень многие имели в лучшем случае смутное представление. Ведь были и такие, кто спасовал перед трудностями. Были такие, кто с легкой меркой подошел к пониманию своего места на стройке. Были. О них рассказано в книге. Но не они определили характер событий. Строители Комсомольска вписали в летопись великих свершений прекрасные страницы. Там закончили они университеты трудовой жизни.

Прославленный герой — летчик Алексей Маресьев пришел в большую жизнь со строительных лесов Комсомольска. Такие люди, как Петр Козарез, Андрей Гоменюк, Коля Крикун, Сергей Шефтелевич, Лев Качаев, Костя Зангиев, Миша Ильин, Федор Куликов, Павел Сафонов, Лена Нищенко, Иосиф Каттель, встают перед читателем в делах, ставших неотъемлемой частицей биографии нашей Родины. Ю. Жуков и Р. Измайлова восстановили в памяти современников суровую подлинность событий, в которых раскрылись таланты тысяч и тысяч юношей и девушек дружной семьи советских народов.

Авторы возвращают читателей к истокам жизни отважного поколения советских людей, которое, как, возможно, кое-кто полагает, уже принадлежит истории... Думаю, что «Начало города» — книга весьма современная. Как и в те далекие годы, так и теперь комсомол, наша советская молодежь — на вахте ударных строек. Для тех, кто строит БАМ и КамАЗ, кто покоряет космос и вторгается в тайны микромира, кто совершает подвиги во имя того, чтобы планета наша была колыбелью разума, а не ракетно-ядерным полигоном, рассказ о людях, создавших на Амуре город Комсомольск, всегда будет светлым и добрым примером.

В этом большое воспитательное и познавательное значение «Начала города».

Молодой современник часто спрашивает у старших: «Как это начиналось?» Ответ в известной мере дают такие книги, как «Начало города». Первопроходцы Комсомольска мечтали в 1932 году: будет через десятки лет на берегах Амура стоять город с населением в сто тысяч человек. Однако действительность превзошла мечту: в 1972 году в Комсомольске уже жило 226 тысяч жителей... Нельзя не согласиться с авторами «Начала города», когда они замечают: «...хорошо было бы иметь на полке и документальные книги, чтобы и дети и внуки наши знали не только собирательные образы, созданные литераторами, но и парней и девушек с конкретными именами и фамилиями, которые жили и работали там-то и там-то и сделали то-то и то-то. Право же, они заслужили то, чтобы люди вспомнили их добрым словом и через пятьдесят и через сто лет!»

Герои «Начала города» заслужили это.

Натан РЫБАК

Киев.

Ю. ЮРЬЕВ

Фото автора

По склону холма медленно ползли огромные разноцветные бабочки, а достигнув вершины, они взлетали и легко парили в небе. Обходя небольшое болотце, я потерял на некоторое время из виду загадочный холм, а когда выбрался к нему, никаких бабочек там уже не было. Не было, и все. В растерянности я оглянулся вокруг и увидел под березой группу парней и девушек в спортивных костюмах. У их ног лежали мотоциклетные шлемы, поодаль в живописном беспорядке стояло несколько цветных палаток. На тонком стальном тросе, натянутом между двумя березами, балансировал, непринужденно покачиваясь, невысокий крепыш. Он поднырнул под палатку, легко оторвал ее от земли и зашагал вместе с ней к холму. Другие поступили точно так же, и я, изумленный, вдруг увидел, что это вовсе не палатки (и как я сразу не разглядел), а именно те бабочки, которых я наблюдал издали. Через несколько минут Сергей Казанцев, руководитель томских дельтапланеристов, тот самый крепыш, что балансировал на тросе (оказалось, что балансирование входит в обязательную программу подготовки), рассказал мне о новом спорте:

— Наша секция дельтапланеризма существует пять лет, она одна из первых в стране. Свою «бабочку» мы начали строить, не имея ни чертежей, ни опыта. Это было время, когда в журналах появлялись карикатуры на дельтапланеристов с выразительной подписью: «Верный путь в госпиталь». Мы смеялись, но в идею верили. Однако первый наш аппарат никак не хотел подниматься в воздух, и мы, объясняя это тем, что под Томском нет приличной горы, отправились на Тянь-Шань.

— Но ведь сейчас вы летаете с холма не очень высокого, — сказал я, следя за полетом.

— Та наша поездка как раз и показала, что даже самые высокие горы не помогут подняться в

воздух тому дельтаплану, которому летать не дано. Мы поняли, например, что перкалевый парус совершенно не годится, и безжалостно оставили его в верховьях ледника Туюк-Су. Но все же несколько раз нам удавалось оторваться от земной тверди метра на два...

— Значит, парус — важная часть дельтаплана?

— Основная! Каков парус, таков и аппарат. Когда мы начали шить паруса из очень плотной болоньи, мы начали летать.

В Томском институте автоматизированных систем управления и радиоэлектроники, где Казанцев работает инженером, есть дневник секции дельтапланеристов. В нем один из первых полетов описан так: «Первое ощущение после шага в зияющую пропасть — удивление. Удивительно, что не падаешь камнем, а подхваченный ветром, летишь все дальше и дальше в долину. Плавное разворачиваешься, приближаешься к отвесным скалам, а навстречу — внизу и по сторонам — плывут своей дорогой пушинки цветущего осота».

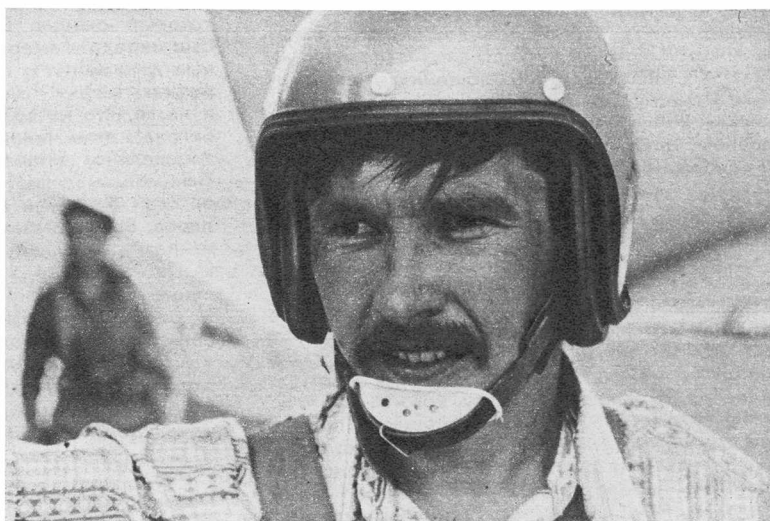
«С 5 по 15 марта 1976 года в Карпатах проходил первый всесоюзный слет дельтапланеристов. Наша секция была представлена пятью участниками и двумя дельтапланами. Нас наградили «Почетным дипломом» журнала «Техника — молодежи» за удачную конструкцию дельтаплана. Здесь зародилась мысль о создании федерации дельтапланеризма».

Теперь федерация существует, Казанцев работает в ней председателем всесоюзной методической комиссии. А в том же 1976 году Всемирная федерация авиаспорта — ФАИ — утвердила дельтапланеризм как самостоятельный вид спорта, и при ФАИ была создана специальная комиссия дельтапланеризма...

Высоко в небе прочертил след реактивный самолет. Я проводил взглядом это чудо современного прогресса, чудо, начавшееся когда-то с бамбуково-полотняных крыльев, и подумал: человек всегда мечтал летать, как птица, он научился летать быстрее, выше и дальше птиц — даже в космос. Как же тогда объяснить парадокс его возвращения к ненадежному парусу?

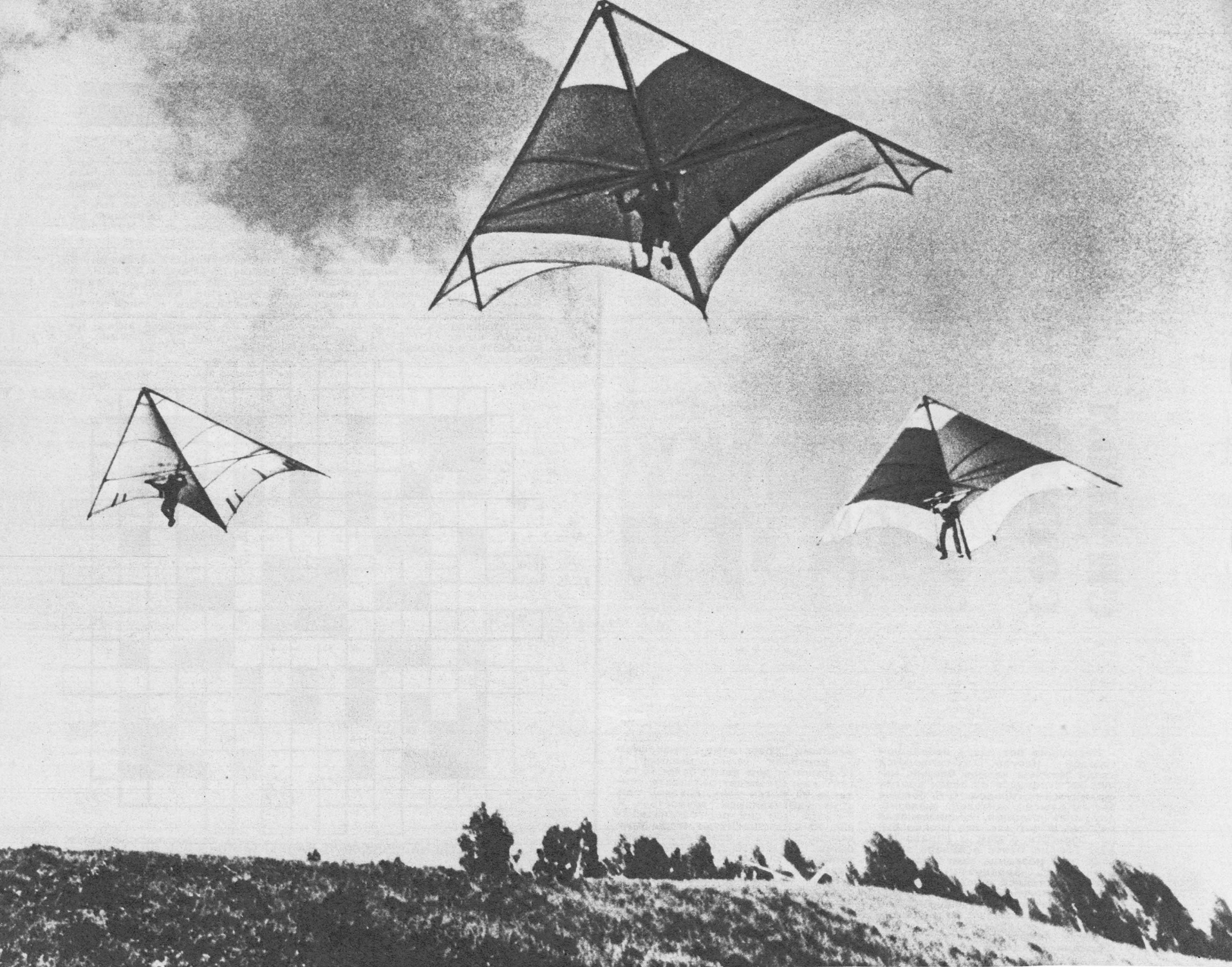
ПОД ША

Сергей Казанцев — глава томских дельтапланеристов.

Ю. Жуков, Р. Измайлова. Начало города. Страницы из хроники 30-х годов. «Знамя» №№ 2, 3, 1977 год.

В полете.

РУСОМ В ОБЛАКА

— Вы, Сергей, пилот-спортсмен и парашютист. Вы совершили к тому же более тысячи полетов на дельтаплане. Как вы объясните этот парадокс? — спросил я Казанцева.

— Скажу, что парадокса здесь не вижу. Если мне надо лететь во Владивосток, допустим, то удобнее и быстрее сделать это на ИЛ-62, но чувства полета, свободного полета я не испытаю, это будет езда, комфортабельная и приятная. Даже на спортивном самолете — езда. Дельтаплан же дарит человеку самое острое, самое сильное ощущение, ощущение свободного полета, дарит ощущение птицы. А другое, не менее важное обстоятельство — свои крылья ты строишь сам...

— Но для этого нужны знания? — Правильно. Поэтому мы призываем всех любителей дельтапланеризма объединяться в спор-

тивные секции, где они получают квалифицированную помощь. Сейчас в Киеве при конструкторском бюро Олега Константиновича Антонова работает техническая комиссия дельтапланеризма, которой руководит инженер Николай Калашников. Там разрабатываются типовые модели дельтапланов, чертежи которых всегда к услугам любителей. Стихийность в нашем виде спорта может быть просто опасна, как, например, и в альпинизме.

— Где же выход?

— В учебе и тренировках. К зиме мы обычно набираем группу новичков и до января занимаемся теорией, а с января — полеты.

— Почему в разгар зимы?

— Снег глубже, приземляться безопасно, шишек меньше.

— И сколько полетов надо совершить, чтобы шишек совсем не было?

— Как правило, примерно к сотому полету приходит автоматизм в управлении дельтапланом. Его аэродинамика своеобразна. Маневр обеспечивается перемещением центра тяжести, то есть собственного тела. Кажется просто, но в этой простоте как раз главная сложность. Тут все имеет значение, начиная от координации движений, быстроты реакции и кончая настроением спортсмена...

— Не потому ли в инструкции по дельтапланеризму, изданной в Риге, вы писали: «Никогда не летайте при плохом самочувствии. Никогда не летайте наперекор погоде и прочим объективным и субъективным факторам, в угоду собственному нетерпению или на потеху зрителям...»

— Да, я против лихачей как в жизни, так и в спорте. Я за надежность.

— Многим ли доступен дельтапланеризм?

— Практически каждому. Дельтапланеризм — очень демократичный вид спорта. У нас среди ста пятидесяти человек есть инженеры, научные работники, студенты, но основная масса — рабочие.

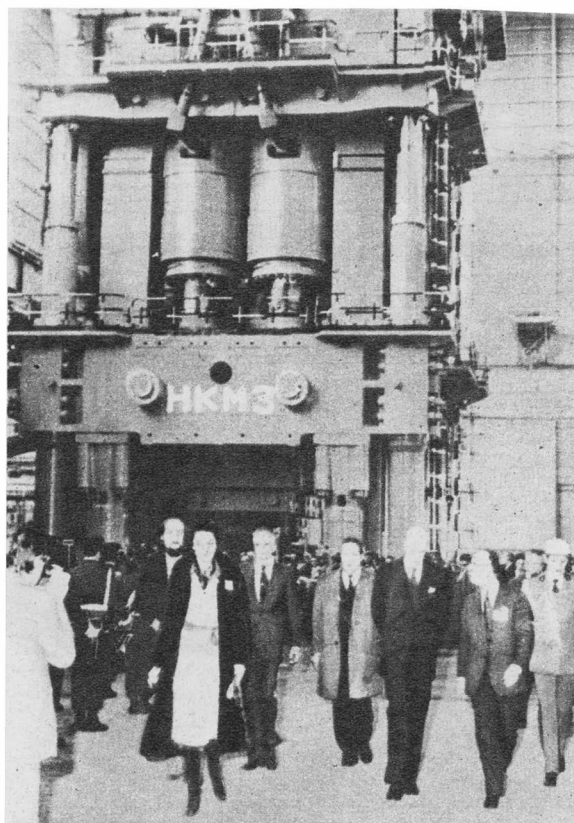
— В каких еще городах существуют секции?

— Вот несколько адресов: Певек и Москва, поселок Хонду в Якутии и Киев, Кызыл и Рига, Южно-Сахалинск и Казань, Владивосток и Черновцы... В общем, легче сказать, где их нет.

Сергей подхватил своего «Стрижа» — бело-голубой дельтаплан, накрылся им и сразу стал похож на мотылька. Мотылек пополз по склону, чтобы через несколько минут ринуться с вершины и начать свободное парение над солнечной поляной.

СИМВОЛ СОТРУДНИЧЕСТВА

Несколько лет назад небольшой городок Иссуар, затерявшийся среди зеленых холмов Оверни, ничем не отличался от сотен других французских городков. Чуть больше десяти тысяч жителей, железнодорожная станция, средневековая церковь — вот все, что можно было прочесть о нем в справочниках. Тем не менее в январе этого года его название замелькало на страницах французских газет. Здесь состоялся пуск в эксплуатацию самого мощного на Западе гидравлического пресса. Он был построен по заказу Франции советскими специалистами.

Когда несколько лет назад во Франции встал вопрос о создании подобной машины, оказалось, что во всем мире существует всего несколько предприятий, которым по плечу ее изготовление. Внимательно изучив все предложения, французские специалисты остановились на четырех проектах — американском, советском, английском и смешанном, франко-западногерманском. Конкуренция и условия конкурса были чрезвычайно жесткими. И все же предпочтение было отдано в конце концов советскому проекту, разработанному Всесоюзным научно-исследовательским институтом ВНИИМетмаш совместно с Новокраматорским машиностроительным заводом, в цехах которого и родились основные части уникального пресса.

Летом 1975 года во французский порт Фос прибыло первое советское судно с деталями пресса (всего для их перевозки потребовалось 13 крупных судов), а через 18 месяцев, точно в установленные контрактом сроки, гигантский пресс выдал первую продукцию. С тех пор вот уже более полугодия он поставляет различным компаниям крупногабаритные детали. Выдержать столь сжатые сроки позволила не раз отмечавшаяся французскими специалистами высокая компетентность и технический уровень 140 советских инженеров и техников, осуществлявших монтажные работы.

...Огромная серо-голубая коробка цеха, построенная специально для гигантской машины на окраине Иссуара, видна издали. Вблизи сверкающий краской пресс с крупными буквами НКМЗ — Новокраматорский машиностроительный завод — поражает воображение не только людей, далеких от техники, но и специалистов. Подобной машины нет ни в одной стране Западной Европы, ни в США. Оснащенный самыми современными

средствами управления и контроля пресс высотой с 12-этажный дом весит более 16 тысяч тонн. Он может развивать усилие в 65 тысяч тонн, обладая при этом удивительной точностью. В Иссуаре до сих пор рассказывают, как специалисты, чтобы продемонстрировать возможности машины, способной плющить многотонные отливки из прочнейших металлов, ...кололи на ней орехи.

Пуск пресса в эксплуатацию стал большим событием не только для жителей Иссуара и его окрестностей. На его торжественное открытие в январе этого года прибыли президент Франции В. Жискар д'Эстан, многие видные государственные и политические деятели. И это не случайно. Строительство уникального советского пресса во французской Оверни еще раз подтвердило верность курса на развитие советско-французских отношений, взятого двумя странами более десяти лет назад. В своем выступлении президент подчеркнул, что технические показатели пресса свидетельствуют о передовом характере советской технологии.

Во время недавней поездки в Иссуар я поинтересовался мнением генерального директора фирмы «Интерфорж», созданной специально для эксплуатации пресса, господина Ж. Тижо. «Мы полностью удовлетворены работой советского гигантского пресса», — ответил он. — За месяцы, прошедшие после его пуска, не было отмечено никаких неполадок. Как и ожидалось, в заказах нет недостатка, и к концу этого года, когда будут изготовлены необходимые штампы, пресс заработает на полную мощность. Как представитель деловых кругов, — сказал господин Ж. Тижо, — я высоко оцениваю советско-французское сотрудничество. Именно оно позволило нам располагать уникальной машиной с самыми совершенными техническими характеристиками».

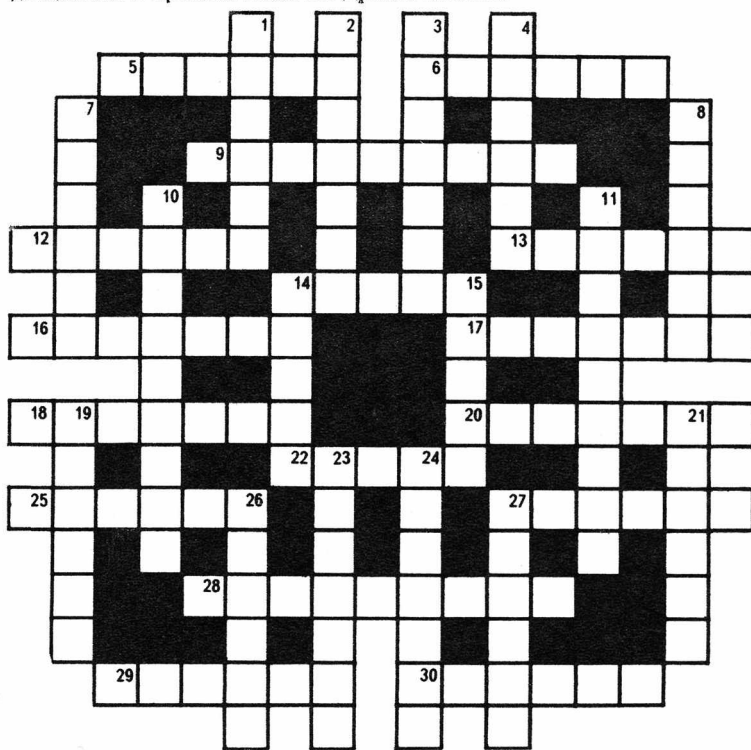
...Если остановиться на центральной площади Иссуара, окруженной невысокими домами под черепичными крышами, кажется, что в городе ничего не изменилось. Но это впечатление обманчиво. Благодаря дружественным связям, установившимся между СССР и Францией, этот маленький городок становится крупным промышленным центром.

В. ШАШКОВ,
корреспондент ТАСС
в Париже

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Передвижная подставка для нот. 6. Спутник планеты Уран. 9. Устройство для преобразования различных видов энергии в электрическую. 12. Административный центр провинции Италии. 13. Приток Колымы. 14. Ворсистая хлопчатобумажная или шерстяная ткань. 16. Круглое сооружение с колоннами, увенчанное куполом. 17. Город на Украине. 18. Порода комнатных собак. 20. Разновидность гармонии. 22. Знак препинания. 25. Одна из географических координат. 27. Специальность рабочего. 28. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 29. Балет Ф. З. Яруллина. 30. Дипломатический ранг.

По вертикали: 1. Устройство для подачи звуковых сигналов. 2. Небольшое сольное вокальное произведение. 3. Река в РСФСР. 4. Национальная японская одежда. 7. Химический элемент. 8. Стилистическое направление в европейском искусстве XVIII века. 10. Великий русский ученый и поэт. 11. Автор повести «Слепой музыкант». 14. Сладкий картофель. 15. Хищная рыба. 19. Военнослужбский командного состава. 21. Вег. лошади. 23. Советский актер, народный артист СССР. 24. Венгерский композитор. 26. Название ряда хребтов в Средней Азии. 27. Древко смычка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 5. «Сенокос». 7. Путина. 9. Дебаты. 10. Пассажиры. 11. Майкоп. 13. Фальс. 15. Аттестат. 17. Пашенная. 18. Новгород. 20. Штангист. 24. «Тронка». 25. Истрия. 26. Терракота. 27. Одарка. 28. Ломами. 29. Стрепет.

По вертикали: 1. Площадь. 2. Мексика. 3. Косилка. 4. Курага. 6. Статуя. 8. «Аппассионата». 9. Дифференциал. 12. Котлован. 14. Лингвист. 16. «Труд». 17. Плюш. 18. Неруда. 19. Острота. 21. Триолет. 22. Триумф. 23. Стапель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва, 4 октября. Большой Кремлевский дворец.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Конституционной Комиссии товарищ Л. И. Брежнев выступает с докладом «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Открытие внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. В зале заседаний.

Фото Э. Песова (ТАСС).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 258-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 19/IX 1977 г. А 00403. Подп. к печ 4/X 1977 г. Формат 70×108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2416. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1116.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Молчание. Сомкнуты уста. Скорбно, строго сдвинуты надбровья. Закрыты глаза, стиснуты в последнем усилии могучие руки. Ни слова, ни стоны. Немая тишина. Только бьется, бьется горячее русское сердце. Сердце генерала. Солдата. Бойца.

Ни лающие звуки фашистских команд, ни визг сторожевых псов, ни топот кованых сапог не могут заглушить рокот сердца героя, решившего умереть, но не сдаться.

Льется, льется студеной водой по живой трепетной плоти Человека. Стынет кровь. Но и лютая стужа и ломкий лед, сковывающий саму душу, не заставят его отступить, просить пощады.

Молчание. Сведены до боли скулы. Напряжены до предела мышцы. Глубокие смертные тени легли на цепенеющий от адского холода обнаженный торс.

Но смерть бессильна. В эти страшные последние мгновения, в этом стане врага, в зловещем лагере смерти герой слышит звуки грядущей Победы. Гром наступающих армий Страны Советов. И пусть бесится эсэсовская свора. Пусть гибель неминуема, неотвратима, — его душу не убить.

«Карбышев». Не глыба льда, в которую превратили его фашистские варвары, — вечный камень словно говорит сегодня людям Земли:

— Герои не сдаются. Высокий светлый дух, веру в победу своего народа не могут сломить никакие муки и пытки. Нет еще силы на нашей планете, чтобы стереть из памяти имена патриотов, отдавших жизнь во имя света и правды, во имя победы над мраком и злом, над фашизмом.

«Карбышев». Этот памятник Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Дмитрию Михайловичу Карбышеву, трагически погибшему в Маутхаузене, создан советским скульптором Владимиром Цигалем, участником Великой Отечественной, сражавшимся с оружием в руках в легендарных воинских частях, защищавших Малую землю под Новороссийском. Фронт, участие в Керченском десанте, годы войны создали характер сильный, прямой, цельный. Искусство скульптора пронизано героикой и романтикой тех, ставших былинными днями.

Вот что пишет сам мастер:

«Для всего моего последующего творчества время, пережитое на Малой земле, стало настоящим крещением и неисчерпаемым источником веры в высокое благородство советских людей. Все эти годы я невольно возвращался к суровым дням войны и, перелистывая военные дневники, рисунки, делал эскизы, композиции, мечтая воссоздать дорогие мне образы тех дней. Как в тумане, пропадают многие детали, но вырисовывается образ обобщенный, сильный, мужественный. Именно эти воспоминания помогли мне потом в работе над созданием памятников... Отвоеванный кусок берега был площадью метров триста на двести. Там мы находились в течение нескольких месяцев и за это время с боями отбили три километра вглубь и семь по берегу. Но думаю, что именно эти месяцы на Малой земле навсегда воспитали мое отношение к жизни, к искусству».

Соленая купель Черноморья, фронтовая дружба с ветеранами великой битвы, длящаяся до сих пор, — все это определило духовный строй художника, обозначило путь его творчества.

В порыве к свету рвет колючую проволоку могучий Муса Джалиль. Легендарный Федор Полетаев — гордый, смелый, непокоренный... Десятки памятников, монументов, исполненных коммунистом Цигалем, воспевают подвиг советского народа.

«Зорге». Нельзя забыть этот кованный из меди образ. Неотступно, пристально, испытующе смотрят на нас его глаза. Крупно, смело решил художник тему смертельной опасности, с которой сопряжена жизнь разведчика. Следы пуль, у виска — пробитый металл. Глубокие, тяжкие морщины бороздят лоб Зорге. Опасность рядом. Всегда. Каждый час, каждый миг.

...Взволнованно, искренне говорит художник о своем труде, о любимом деле, которому безраздельно отдал всего себя:

— Скульптура требует раскрытия самого главного в человеке. Вы должны очень скупыми, лаконичными средствами показать это глав-

ное в жизни героя, найти состояние, которое выражает самую суть его подвига. В процессе изучения различных материалов, документов, фотографий у меня складывается определенное представление о человеке. И тут возникает очень важный момент. Художник не может минимизировать своего личного восприятия героя. Без этого произведение наверняка стало бы безликим, каким-то среднеарифметическим. Но в монументальной скульптуре ваше собственное представление должно в то же время отвечать представлениям миллионов людей об этом герое. Нам, советским художникам, не нужно как-то особенно настраиваться на эту волну, ведь мы часть народа, живущая с ним одними интересами. Надо только искать самое яркое, художественно убедительное выражение того, что хранится в памяти народной.

...Память народная. Она требовательна, эта святая память. И ни один истинный художник, бывший солдатом в те огненные годы, не может не внести свою лепту в изобразительную летопись Великой Отечественной войны.

Всю свою творческую жизнь Цигаль мечтал воссоздать подвиг героев Новороссийска в пластических образах. И вот в наши дни эта мечта скульптора нашла свое воплощение. Совместно с архитектором-лауреатом Ленинской премии Я. Б. Белопольским, Р. Г. Кананиным и В. И. Хавиным разработан архитектурно-скульптурный ансамбль из трех величественных монументов-мемориалов: «Малая земля», «Линия обороны», «Потопление кораблей». Перед зрителем предстанет грандиозная эпопея. От тех исторических дней, когда по приказу В. И. Ленина, дабы не отдать врагу нашу Черноморскую эскадру, были затоплены боевые корабли в 1918 году. И до тех незабываемых лет, когда в историю нашей Родины были вписаны бессмертные строки боев под Новороссийском. Пред нами зримо предстает сам Подвиг. Вечный. Неумирающий.

Сегодня в городе-герое Новороссийске создаются мемориалы, прославляющие богатырей Малой земли, подвиг Новороссийска в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Мы ощутим преемственность ратных дел советского народа, народа-победителя.

Владимир Цигаль — ровесник Октября. В этом году ему исполнилось шестьдесят лет. Он встречает эту дату в расцвете сил. Мастер изваял галерею портретов своих современников. Среди них герой-космонавт Герман Титов, композитор Дмитрий Кабалевский, скульптор Екатерина Белашова, детский врач Нил Филатов, американский прогрессивный художник Роквелл Кент и многие другие. Немало энергии отдал художник созданию образов выдающихся деятелей русской советской культуры.

Вдохновенно работал Владимир Цигаль над созданием образа вождя Революции — Ленина. Широко известны его памятники: в Ульяновске — Ленину-гимназисту, в Казани — Ленину-студенту и монументальный портрет Ильича, который находится в Центральном музее Вооруженных сил СССР.

Впечатляет и волнует своей динамикой и великолепным пластическим решением памятник В. И. Ленину, установленный в Шушенском.

Цигаль — новатор. Но это никак не означает, что его искусство не лежит в русле школы социалистического реализма. Народность, доступность, истинная партийность творчества Цигалья продолжают лучшие традиции таких корифеев русского советского искусства, как И. Шадр, Н. Андреев, В. Мухина.

— Я чувствую, — говорит художник, — огромную потребность в общении с великими произведениями прошлого. В них я вижу, что может быть достигнуто в мраморе, бронзе, граните. Они облагораживают душу, делают вас выше, значительнее как человека и художника, они становятся каким-то критерием и определяют высокий уровень в искусстве. Я не собираюсь в своем творчестве повторять их. Но понимание красоты и превосходное владение материалом, композицией, заключенные в этих произведениях, являются прекрасной школой... В душе, в умственном багаже художника — огромный массив представлений о прекрасных созданиях искусства.

Шестьдесят лет — годы зрелости для любого художника. Они обязывают ко многому. И главное, что формирует истинное лицо творца-гражданина, — это «принадлежать своему времени». И этому требованию всем своим творчеством, своим сердцем отвечает народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственных премий Владимир Цигаль.

Новых ему больших свершений!

Работы
скульптора
Владимира
Цигалы

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ Д. М. КАРЫШЕВУ.

ДЕСАНТНИКИ. Рабочая модель к монументу «МАЛАЯ ЗЕМЛЯ». Фрагмент.

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

